

A close-up, high-quality digital portrait of a character with short, straight blonde hair. The character has striking, glowing cyan eyes and a serious, intense expression. They are wearing a small, round diamond earring in their left ear and a dark, textured choker necklace with a central metallic and gemstone detail. The lighting is dramatic, highlighting the character's features against a dark background with a soft bokeh light on the left.

**Евгений Щепетнов**

**Волчица**

Евгений Щепетнов

**Волчица**

«Автор»

2022

## **Щепетнов Е. В.**

Волчица / Е. В. Щепетнов — «Автор», 2022

Что будет с домашней, невинной девушкой, которая попадет в мир магии, мир средневековья, мир рабовладельцев и феодалов-самодуров? Читаем, и... слабонервным не открывать книгу! Грязь, кровь, унижения, смерть и предательство – вот что ждет героиню. Нет, мы не смакуем насилие. Мы его ненавидим. Но хотим правды – даже в сказке.

© Щепетнов Е. В., 2022

© Автор, 2022

# Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

# Евгений Щепетнов

## Волчица

### Глава 1

Топ! Топ! Топ!

Длинные ноги несли легко, девушка почти стелилась над землей, как волчица, идущая по следу. Тело пело, играя каждой мышцей, каждый волоконцем этих мышц, омываемых молодой кровью.

На прошлой неделе Насте исполнилось восемнадцать, теперь она взрослая. Скоро – университет. Само собой, тот университет, в котором преподают папа и мама. Позади школа, позади прежняя жизнь – жесткий график, который не оставлял времени для развлечений. Золотая медаль – она так просто не дается, особенно в московской школе. Тут надо быть или семи пядей во лбу, или дочкой папы, который может все и вся.

Папа Насти категорически отказался влезать в школьные дела Насти. Мол, если мозги есть – и сама вылезет. А если в голове пусто – так зачем позориться, и подставлять свою репутацию?

Репутацией папа очень дорожил. Он ее зарабатывал всю свою жизнь. Научные труды по лингвистике, статьи в толстых научных журналах – все было. И немудрено – папа знал семь языков, и в том числе старославянский, и даже – язык майя. В общем-то именно майя он и занимался – в свободное от лекций время.

Настя тоже имела способности к языкам. Уже в первом классе выяснилось, что память у девочки практически фотографическая, а языки она буквально впитывает. Пока что Настя владела английским (в совершенстве), испанским (в совершенстве), французским (в совершенстве), немецким, китайским и японским – разговорными, и немного читала. И ей не составляло никакого труда изучить эти языки. Пара недель, месяц – и... опа! Она уже разговаривает на новом языке. И чем больше языков она знала, тем легче ей было изучать следующий.

Само собой – куда ей было поступать? Конечно же, на факультет переводчиков. Зачем сама, по собственной инициативе взялась изучать языки? А книжки читать! Всегда интереснее читать книгу в оригинале, чем пользоваться глупым переводом какой-нибудь недоучки. Или какого-нибудь. Некоторые переводы были такими смешными, что Настя ржала в голос – ну надо же было ТАК перевести?! Она очень любила фантастику, так что... Аберкромби, Саймак, Брэдбери – все в оригинале.

А потом ей вдруг наскучили зарубежные фантасты, и Настя перешла на российских, и оказалось, что они ей гораздо интереснее, чем любой из самых маститых иностранных мэтров, признанных всем мировым сообществом. Папа объяснял это разностью менталитетов. Мол, Российские писатели пишут для нас, русских, потому их книги нам ближе и интереснее. А еще – сейчас не модно хвалить зарубежное, времена смердяковщины давно ушли на дно самого поганого заброшенного колодца. Быть патриотом нынче правильно – и морально, и материально. Те артисты, что поставили на патриотизм – сейчас в цене, а смердяковы сидят за границей и воняют на Россию. И пусть себе воняют – они давно уже сгнили душой.

Мама ругалась – чему, мол, учит дочку! Ну, такой цинизм! А вдруг она где-то ляпнет, что патриотом быть выгоднее! И что ей это папа сказал! И папа ответил, что во-первых дочка у него, как выяснилось, девка умная, и с головою дружит. Во-вторых, даже если ляпнет – а что такого сказано? Все знают, что артисты продажные шлюхи, и поют тем, кто им платит. А если они решили поставить на патриотизм – так честь им, и хвала! Значит, не идиоты!

Настя не задумывалась над словами отца. Ей вообще-то было совершенно фиолетово – кто там патриот, а кто нет. Некогда думать над всякой чушью. В гимназии столько задавали, что она едва успевала делать задание, и это при ее фотографической, практически абсолютной памяти! И кроме общей школы, ей надо было еще и на занятия – вначале по танцам, куда она ходила с самого раннего детства. Практически с пяти лет. Мама сказала, что умение танцевать для девочки едва ли не важнее, чем красный диплом. Ведь она познакомилась с папой на танцах – папа пригласил ее, и... у них закрутилось.

Вообще-то папа был ее преподавателем, мама его знала и раньше, и была влюблена в него по уши, но... подойти боялась. А тут вот случилось, и все тут! Почему боялась? Потому что в папу все были влюблены – все женщины, которые его видели. Высоченный, два метра ростом, голубоглазый, русоволосый – эдакий русский красавец, витязь! Тогда ему было тридцать лет, маме, как и Насте сейчас – восемнадцать. Ну а мама... она почему-то всю жизнь считала (и считает) себя дурнушкой. Тоже русоволосая, тоже голубоглазая, и... тоже высокая. Нет, не двухметровая, но очень высокая. Потому всегда горбилась, всегда старалась казаться меньше ростом, чем есть на самом деле. Она приехала из Саратовской области, из города Аткарска (совершеннейшей, глухой дыры мироздания), и умудрилась поступить в МГУ. Тоже с золотой медалью. Выиграла конкурс среди золотых медалистов – на чистом таланте, никаких связей. Да, она не красавица, в общем понимании этого слова, но такая миленькая, такая свежая... а улыбнется, с ямочками на щеках, так все мужчины сразу расплываются в улыбке. Папу не раз спрашивали (шутя, конечно), где он нашел такую красотку, и нет ли там еще похожих! На что папа отвечал стандартно: «Где взял, там уже нет!»

Папа на тот момент был женат, была у него пятилетняя дочь. Увы... для ребенка трагедия, конечно, когда родители расходятся. Но сердцу-то не прикажешь. Развелись мирно, без битья посуды, без мордобоя. Папа им помогал – кроме тех же алиментов – пока бывшая жена не вышла замуж. И алименты платил исправно. Мама до сих пор испытывает чувство вины за то, что разбила папину семью, и всегда без возражений отправляет папу на встречу с дочкой. Настя видела ее пару раз, но та не желает общаться с сестрой. Дочкой разлучницы. Впрочем, Настя тоже не горела желанием близко знакомиться ни с прежней папиной супругой, ни с ее потомством. Настя вообще не отличалась особой сентиментальностью – ей просто было некогда. Уставала, как загнанная лошадь.

Танцами Настя занималась до шестого класса, а потом ее попросили покинуть группу. Почему? Потому что Настя начала расти. И партнеров ей найти не могли – даже среди взрослых парней. Все отказывались становиться с ней в пару. Ну, только представить – ее кавалер дышит Насте в пупок! Ну ладно, не в пупок – грудь, это что, гораздо легче?

К восемнадцати годам Настя выросла до ста девяносто сантиметров, и опасалась, что рост ее продолжится дальше.

И возник вопрос – чем заниматься? Каким видом спорта? А то, что надо заниматься – Настя не сомневалась. Да и папа с мамой требовали, чтобы она держала себя в форме – как они, к примеру. Мама в свои тридцать семь выглядела как девчонка Настиного возраста, папа на нее надыхаться не мог. Мама как-то сказала Насте, что если та, выйдя замуж, превратится в жирную корову – мужик ее сразу бросит. Или найдет себе стройняшку. Так что не надо рисковать, испытывая любовь на прочность!

Папа же просто хотел чтобы дочь была здоровой, спортивной. Он вообще почти ЗОЖник – не пьет, не курит, бегаёт по утрам, на турнике крутится, штангу отжимает. Ему почти пятьдесят, а он сто очков вперед даст всем двадцатилетним по силе и выносливости! Да и по красоте – тоже.

И стала Настя перебирать – куда же она хочет отправиться, в какую спортивную секцию? Ей нравилось синхронное плавание, тем более что плавают Настя как рыба (ходила в бассейн, да и папа учил). Но... опять же – рост. Ее одноклассники точно дышат ей в пупок.

Просто плавание? На скорость? Да ну его к черту... маленькая задница, широкие плечи – это для парней. Тут уже мама сказала, что костями ляжет, но никаких скоростных плаваний. И подводных тоже – там все тонут! Ну это же мама...

Бег? Неинтересно. Шест? Вот точно нет! Чтобы девица под два метра ростом взлетала над планкой?! Там надо мелкую, худую, с жилистыми мужскими руками. Прыжки? То же самое. И тоже неинтересно.

И никакого бокса, единоборств – мама сразу запретила. Как и метание копья (воткнул еще копье!), молота, поднятие штанги и всякую такую ерунду. Оставались только баскетбол и волейбол. Баскетбол Насте не нравился, да и ростом она для него не вышла. Вот если бы метра два с хвостиком, тогда – да. А вот волейбол... да, это хорошо!

Папа сразу сказал, ухмыляясь во все тридцать два белейших зуба (своих! У него даже пломбы ни одной не было. Как и у Насти, между прочим), что неплохо было бы дочке пойти в пляжный волейбол. Уж больно там форма красивая – трусики, топики... жопки налитые!

Да, мама сразу запретила Насте пляжный волейбол. Ибо нечего не потеху толпе жопкой вилять. Разврат и похоть! Мама иногда бывает такой... хмм... не только упертой, но еще и... ретроградкой, что ли. Сразу видно – Аткарск!

Насте было наплевать на верчение попой, она на самом деле вообще об этом не думала! Плохо это, или хорошо, но при всем при том, что месячные у нее пришли уже в двенадцать лет, Настя вообще не думала о сексе, и обо всем с ним связанном. Не зря ее прозвали Снежной королевой. Или, обидно – Снеговиком. Почему Снеговиком? Да потому что Настя была белая, как снег! Вплоть до волос! Она была псевдоальбиносом, если можно это так назвать. Белая кожа при натуральных платиновых волосах, которые бывают у одной из нескольких десятков, а может и сотен тысяч женщин.

Мама Настю даже к врачу водила – на предмет нормальности дочери. Мол, как это так вышло? Почему у нее такие волосы, и при это глаза не красные, как у всех альбиносов? Настя помнила, как на маму посмотрел врач – мама даже покраснела. Так смотрят на идиотов, или на человека, спяну сморозившего абсолютную чушь, от которой всем сразу стало стыдно за говорившего. Маме популярно объяснили, глядя в кипу бумажек, результатов анализов, через которые Насте пришлось пройти, что дочь мамина абсолютна здорова физически, выглядит просто великолепно, и надо радоваться, что бог, или провидение дали девочке такую запоминающуюся, уникальную внешность. И что она уже сейчас могла бы работать моделью, и зарабатывать огромные деньги.

Вечером, когда собралась вся семья – мама, папа, Настя и сестренка Ленка четырнадцати вредных лет от роду, мама сильно ругала доктора, и когда рассказывала о том, чем именно «этот подлец» предложил заняться Насте – дошла почти до откровенного мата, назвав доктора старым пидором, который не видит дальше своего жалкого стручка. Чем вызвала радостный хохот Ленки, и недовольную гримасу на лице папы. У них в доме не ругались матом, и вообще старались не употреблять обсценной лексики. Папа родом из семьи питерских интеллигентов в надцатом поколении, и его учили, что ни при женщинах ругаться нельзя, ни женщинам употреблять такие слова совершенно не можно. Бабушка и дедушка и сейчас живы – смешные такие, вежливые и чопорные, как из сериала об английских джентльменах. Им за девяносто, но они бодры и веселы семь дней в неделю. Настя любила у них бывать. И Питер ей нравился больше, чем раздолбайская Москва (да не услышат эту крамолу москвичи!)

Почему мама так ополчилась на доктора? А не надо было говорить про карьеру модели! Модели – проститутки, как одна! Пудрят носы непонятно чем, и отдаются всем, кто попросит! Вот! И эту карьеру «старый пидор» прочит ее драгоценной дочери?! Умнице и красавице?! Да к ней женихи будут стоять в очередь, и не какие-то там ублюдки с толстыми бумажниками, которые нужны, чтобы встать на них и попытаться достать до ее губ! А такие же, как ее папа – красавцы и удалцы!

Примерно так это было. Ну... с вариациями. И как-то незаметно проскользнула мимо самая главная новость – Настя абсолютно нормальна и здорова. Вот только... Снеговик! Холодный, и асексуальный.

И насчет очереди из женихов мама погорячилась. Не было очереди из женихов. Трахнуть желали, да. Даже в открытую это говорили – и одноклассники, и случайные люди (Иэй, красявиц, сядись, пакатаем!), но вот чтобы серьезно, чтобы были видны праведные намерения... не-а! Скорее всего именно потому, что Настя сама не давала повода подумать, что она готова галопом бежать под венец. Это же чувствуется, когда девка горит желанием пасть в объятия: Ваня! Я вся ваша! А когда вот так – ледяная принцесса с высоты своего роста смотрит на тебя, как на таракана... нет, такого им не надо.

Мама как-то со вздохом сказала, что красивым девушкам выйти замуж гораздо сложнее, чем всяким дурнушкам. Красивых боятся. Вроде как у них и запросы больше в разы, и вообще... Вот она – страшненькая, потому и отхватило лучшее. Жених не испугался.

Папа тогда сильно рассердился, и сказал, чтобы мама прекратила свое нытье насчет того, что она такая дурнушка, и того, почему папа на нее позарился. Что она красива так, что никому и не снилось! И Настя вся в нее уродилась!

Нет, не вся. Она скорее в папу, северного красавца, тоже почти что платинового блондина. Хотя и маминых черт у Насти хватало. Особенно – ее милая улыбка, от которой все просто таяли.

Кстати, Ленка не платиновая блондинка, и всегда завидовала сестре. Потому время от времени делала ей пакости. Насте даже вспоминать об этом неохота. Подростки бывают совершенно несносны. Особенно – если завидуют старшей сестре. А чему завидовать? Мальчиков у Насти не было и нет. Секс ее совершенно не интересует, в отличие от Ленки, которая уже помешалась на своих бойфрендах (Это в ее-то годы! Дурища!). Ростом Ленка достаточно высока, но не настолько, чтобы ей это мешало жить. Кстати, Настя с удовольствием поубавила бы сантиметров двадцать от своего роста. Сто семьдесят – самое то! А то в толпе выделяешься, как жирафа среди бегемотов. При своем росте Настя весила семьдесят килограммов, и выглядела худенькой, как... как настоящая модель. Кстати, никакого жира в этих семидесяти не было. Только мышцы и кости. Спорт, диета – и никакого лишнего веса. Настя выпрыгивала вверх, как боец племени масаи, высматривающий льва в саванне, и била по мячу с просто-таки невероятной, пушечной силой. Попадет в башку – синяк будет, как штaketиной врезали. Это не она придумала – это тренер сказал.

Занятия большим спортом Настя пока отставила, за что была сильно порицаема тренером. Все-таки она уже мастер спорта, можно было бы сделать карьеру в волейболе. Но ни родители, ни она сама не хотели такой карьеры. На кой черт ей это нужно – мотаться по соревнованиям, ночуя по гостиницам разного уровня паршивости, а потом выйти «на пенсию» лет в тридцать пять, и все, что ей светит – тренерская работа где-нибудь в ДЮСШ. И это полиглоту с фотографической памятью! Глупо, точно.

Страница перевернута, теперь ей предстоит начать заново. Тем более, что родители (и вся семья, само собой!) перебрались жить в новый дом, который они строили семь лет. Дом в Подмоскowie, которое недавно стало Москвой, в поселке Мосрентген (странное, смешное название). Они живут тут уже с начала лета, и отсюда Настя начнет ездить в университет. Вместе с папой и мамой (очень удобно, да!). Ну и Ленку в гимназию – сама доберется, на метро, не маленькая.

Хотя спортом Настя и перестала заниматься, но физкультурой – никогда. Тут и привычка, вбитая в нее годами занятий (каждое утро – пробежка!), и... неизвестно – что именно. Удовольствие, что ли? Бежишь, слушаешь книжку через блютуз-наушники, наслаждаешься своим здоровьем, молодостью, погодой, и... взглядами встречных мужчин. И женщин – тоже. Настю их взгляды веселили. Представление, да и только! Мужчины смотрели на Настю так,

будто хотели ее тут же и поиметь, задушив идущую рядом подругу жизни, а женщины... Настя однажды видела, как девчонка дала по морде своему парню, который засмотрелся на задницу Насти. Они вечером с Ленкой хохотали, когда Настя ей рассказала. И мама потом смеялась, и папа тоже. У них в семье любили хорошие шутки, пусть даже и на грани приличий. Да, матом не ругались, но ведь слово «жопа» – не мат! И «дать по едальнику» – тоже не матерное выражение! Чисто... намек.

Вообще-то Настя не старалась одеваться совсем уж провокационно. Обтягивающие лосины – да. Топик – да. Ну и кроссовки. А чего еще-то? Косметикой почти не пользовалась – зачем? Соблазнять никого не собиралась, а тогда на кой черт портить кожу всякой химической дрянью? Стричься она давно привыкла «под мальчика», что ей, кстати, очень шло. Мама только ругалась, мол – совсем лысая, нельзя было хоть до плеч волосы отпустить? Но папе нравилось, а папа – это последняя инстанция. Как он скажет – так и будет. Даже если мама сто раз скажет – «против».

Кстати, когда Настя попыталась поговорить с папой по поводу работы моделью (ей предлагали поучаствовать в фотосессиях, и не раз), он ей серьезно сказал, что эта деятельность не для нее. И пусть не считает, что все модели бляди (он так и сказал, что очень удивило Настю, и даже потрясло), но эта работа заключается в том, чтобы подороже продать свое тело. И предполагается, что модель всегда готова продать его в буквальном смысле слова. И что, она готова отдаваться за деньги первому встречному, который сумеет ей заплатить нужную сумму?

Настя не была готова отдаться первому встречному, и второму-третьему тоже, потому вопрос о модельном бизнесе тут же был отправлен на задворки истории. Работа шлюхой и даже наложницей – это не для Насти. Пусть тупые телки этим занимаются, те, у кого в башке нет ничего, кроме нарядов и мужиков. Настя не такая.

Каждый день она пробегала пятнадцать километров довольно-таки быстрым шагом. Или бЕгом? В общем – не обычные шаговые шесть километров в час, а как минимум двенадцать. Не трусца, а кросс. Как раз для нее, чтобы выжать из организма то, что она наела прошлым вечером (пирожки! Ох... ах...). Длинные ноги несут легко и приятно, в ушах – очередная сага о попаданцах в иной мир. Магия, мечи, черные властелины – красотища! Только она не любила женские романы с тупыми описаниями секса. Слащаво-сахарные, сопливые, пошлые – это для идиотов. Она предпочитала авторов-мужчин. Из их книг можно почерпнуть массу интересных знаний, а не то, как некий придурок «проложил дорожку поцелуев к раскаленному добела от страсти сокровенному бутону». Фу! Какая гадость! Надо же написать такую пошлятину! Такое может выдать только толстая, мечтающая о грубых немецких сантехниках дама лет пятидесяти, поклонница немецкого порно и вонючих мужиков. Лучше Настя почищает о драконах и дуэлях на мечах.

Папа, кстати, смеялся над фэнтези-романами, хотя частенько их почитывал (вернее – слушал, в машине, по дороге домой и из дома). Он не раз, и не два говорил, что если бы попаданец из нашего времени оказался в том мире, в условиях рабовладельческого общества, феодализма и мракобесия, ему бы сразу поджарили пятки, заставляя сознаться – зачем он прибыл из Ада, и кого тут хотел вовлечь в лапы Сатаны. И в конце концов, прикончили особо изощренным и неприятным способом. И ничего бы он не смог поделаться с бойцами того времени, даже если бы попаданец был офигительным мастером фехтования и вообще молодцом. Потому что те люди привыкли не к спортивным ристалищам, где за спиной бойца при уколе загорается лампочка, а к настоящим боям, где люди убивают, и всегда готовы умереть. И шпаги там не такие, как у спортсменов – теми шпагами башку срубить, как нечего делать.

Ну а девушки, оказавшиеся в тех мирах тут же бы стали добычей первого попавшегося мужика, способного удержать весьма ценную добычу. Ибо что есть ценнее девицы, которая выгодно отличается от гнилозубых и вонючих представительниц его мира, половина их которых еще и больна дурными болезнями. Ее можно хорошо продать, или самому как следует с ней

натешиться. И рассказы о том, что девушка может справиться со взрослым мужчиной – суть чушь и абсолютная ересь. Что доказывают постоянно проводимые межгендерные бои, в которых феминистки, уверенные в том, что они равны мужчинам по силе и скорости, регулярно огребают полными шами. Ибо любой более-менее крепкий мужчина сильнее и быстрее женщины, даже если она несколько лет занималась единоборствами. Хотя бы потому, что у женщины изначально в мозгу заложено торможение на полторы-две секунды. Мужчина при опасности или бежит, или дерется. Женщина – прячется в траву и пережидает опасность. А чтобы она не заорала и не побежала, ее мозг тут же впадает в ступор. Вот от чего и возникают многие страшные аварии с участием женщин-водителей. Они – то педали перепутают, то бросают руль и закрывают лицо руками. Ведь если не видишь чего-то, так его вроде бы как и нет.

Мама сильно ругалась на него за такие шовинистические высказывания, Настя тоже была с ним не согласна, и попыталась его разуверить. Мол, есть много женщин сильных и быстрых – хотя бы она, Настя! Помнишь, когда Вовка Смирнов ее облапил, она ему так врезала, что Вовка летел по воздуху метра два, а папу вызывали в школу на педсовет.

Кстати, для Вовки все кончилось очень хреново. Ибо харрасмент (или как это называется, когда девочке одноклассник пытается залезть в трусы) не поощряется нигде, и тем более в школе, среди несовершеннолетних, и кроме того – папино кунг-фу было круче, чем у родителей Вовки, чиновников из управы района. У папы есть такие связи, что мелкие чиновнички отдыхают и нервно курят в углу. Вовку с позором выперли из школы.

Папа конечно же помнил этот случай, но тут же сказал, что исключения только подтверждают правила, и что *его* дочь и не может быть другой – он бы такого не понял.

В общем – судьба девицы, попавшей в другой мир, одна: быть рабыней-наложницей, и только с помощью своего повелителя она может попытаться занять высокое место на социальной лестнице. Но для этого надо быть коварной, подлой, ядовитее сколопендры и быстрее кобры в атаке. Сейчас таких девушек наверное и нет. Потому – только инкубатор для детей господина, и... неизвестное будущее, скорее всего весьма печальное.

Кстати, еще, ее сходу могут признать ведьмой и сжечь, привязав к средству передвижения – метле. Почему именно к метле – папа не сказал. Просто хохотал, глядя на злые лица жены и дочери. Впрочем – книжки фэнтези он читать не перестал. Сказал, что ему нравится выискивать в них особо тупые моменты.

Этот день, один из последних дней августа, начался как всегда. Папа и мама уехали на работу – хоть занятия и не начались, но научную деятельность никто не отменял. Ленка сейчас в Аткарске, у бабушки и дедушки мамы (Настя туда терпеть не может ездить, поэтому отвертелось – скука там смертная!), так что Настя предоставлена самая себе. Сейчас она пробежит обычную дистанцию, вернется, примет душ, и... поедет в Москву. Они с Галькой Кувька и Машкой Морозовой договорились встретиться, пообщаться, посидеть в кафе-мороженом, погулять и всякое такое. В общем – посплетничать и побездельничать перед началом учебного года. Девчонки тоже куда-то поступили, так что им не терпелось похвастаться своими успехами. Опять же – погулять по улицам города, уже остывшим после летней жары. Этот август выдался дождливым, грозы гремят – одна за другой. Вот и сейчас – на небе зависла такая здоровенная черная туча, что в душу внезапно залез холодок – вот сейчас ливанет, и будет Настя галопом бежать домой под проливным дождем – грязная до самых стрингов. Опять придется намывать свои дорогие кроссовки. В прошлый раз едва отмыла от грязюки. Чернозем здесь жирный, вязнешь, как в болоте.

Но... Настя только прибавила ходу. Она уже добежала до поворотной точки, так что если поддаст, возможно, успеет вернуться до начала ливня.

Увы... не успела. Первые капли ударили по плечам, когда Настя пробежала мимо здоровенной ели, стоявшей чуть поодаль от дороги, почти на обочине. Тут же прикинув варианты, на что у нее ушло гораздо меньше двух секунд, озвученных ехидным папкой, Настя поскакала

к ели, чтобы переждать первые струи дождя под прикрытием широких еловых лап. Пока сидит, дождь и вообще может закончиться, что бывало, и не раз – десять, пятнадцать минут, и выглядывает солнце. В конце концов, сейчас ведь не октябрь, чтобы дождь лил непрерывно и не кончался.

А разошелся он не на шутку. Лило, как из ведра! А под елкой сухо и чисто, пахнет нагретой хвоей и мокрой землей. Хорошо! Настя даже поежилась от удовольствия. И жить хорошо, и жизнь хороша!

И тут так бабахнуло, что у нее заложило уши! Молния ударила прямиком в елку, и Настя несколько секунд вообще ничего не слышала и не видела, ошеломленная разгулом природы. А когда открыла глаза, увидела перед собой светящийся шарик – маленький такой, всего с ноготь большого пальца, радужный, переливающийся разными цветами. Он пульсировал, с неравными интервалами, будто что-то передавал стародавней «морзянкой».

Шарик был такой красивый, такой безобидный... может потому Настя и решила его потрогать? А может потому, что ее голова сейчас наполовину отключилась, как заглочивший комп. Гадать можно много, и все догадки будут и правдой, и неправдой. Факт есть факт – Настя протянула руку и коснулась радужного шарика.

И мир погас.

## Глава 2

Командир сепии, которая поддерживала порядок в этом районе города, был сегодня в очень плохом настроении. Если не сказать – отвратительном. Во-первых, его слегка мутило. Вчера он выпил вина, и похоже что трактирщик подсунил ему какую-то дрянь, недостойную такого уважаемого человека как Аскер. Придется его потом наказать, что будет на самом деле непросто. Как Аскер уже знал, трактирщика прикрывал районный судья – жена этого отравителя была двоюродной сестрой второй, любимой жены судьи. И кроме того, трактирщик время от времени заносил судье мзду – обычно по праздникам, и к дням рождения. Потому когда в свое время Аскер сунулся в трактир для того, чтобы обложить его данью – тут же получил от ворот поворот. А когда стал настаивать на своем праве получить с наглого торгаша, его вызвали к судье, и популярно разъяснили, что если он еще раз туда сунется – лишится не только носа, который прищемят дверями, но еще отростка, которым Аскер пытается соблазнить грязных базарных девок.

Обидно, да, но Аскер умел загонять обиду внутрь. Ничего... судья не вечен, и время работает на Аскера. Трактирщик еще пожалеет, что так с ним обошелся. Чего ему стоило время от времени давать сепияру совсем малую, необременительную кучку денег? При этом Аскер как-то забывал, что имеет в трактире бесплатный стол – тогда, когда он этого хочет. И шлюху, по выбору – из тех, что свободны. Человеку всегда мало, и хочется гораздо больше.

Увы, Аскер не был человеком без недостатков. И главным его недостатком было желание обогатиться сразу, одним хапом, не прилагая к тому особенно больших усилий. Например – выиграть в карты, или в кости, или на скачках. Даже на Арене, где под радостные вопли толпы умирали мужчины и женщины, проливая кровь во имя жадного до нее Бога Войны Алеса. И как всегда это бывает – к тому, кому в самом деле нужны деньги, они приходят с очень большим запозданием, а то и не приходят вовсе. Как к тому же Аскеру. Он проигрывал везде, где бы ни делал ставки. И чем больше проигрывал, тем больше ставок хотел сделать. Потому постоянно сидел без медяка в кошеле, и это притом, что в этот самый кошель полноводной рекой лились монеты со всей округи. Ведь на территории, где его сепия следила за порядком, находился городской рынок! Каждый из стражников, которые дозором обходили рынок, обязаны были сдавать своему командиру определенную сумму «за уважение». Иначе они просто вылетят со службы. Найти прегрешения рядового стражника – плевое дело. Особенно, когда ты вылез наверх из самых низов, и знаешь службу насквозь, до полной прозрачности.

Вот и сейчас он шел проверять посты, предвкушая, как в кармане зазвенят долгожданные монеты. К полудню стражники должны были обойти рынок и собрать мзду с расторговавшихся продавцов. Идти раньше смысла не было – надо же обойти довольно-таки большую территорию, не пропуская ни одного торгаша, и все это отнимает время.

Первое, что привлекло его внимание – толпа на базарной площади, там, где у столба объявляют новости. Народ стоял, вытаращив глаза и раскрыв рты на что-то такое, чего Аскеру не было видно за углом лавки купца Ендюха. Там же стояли две тройки стражников, которые в это время должны были собирать деньги, а не стоять столбами, глупо раскрыв рты.

Само собой, Аскер поспешил к месту происшествия – что же такое заставило стражников, выдавших виды, и которых в портовом городе уже вроде и нечем удивить – застыть в транс, будто перед ними явился сам Бог Войны. И когда сепияр подошел ближе, он... нет, не застыл столбом, но... В общем, вначале Аскер протер глаза. Когда ЭТО не исчезло, глаза прикрыл, выждал пять ударов сердца, снова открыл. Нет. ЭТО на месте. И тогда стражник подвинулся ближе и схватил за руку командира четвертой тройки, старого, опытного стражника Зегеля Брусса.

– Зег, что за демонское дерьмо тут происходит?! Что это?! Кто это?!

– А я откуда знаю, командир? – Зегель выдохнул, казалось, он все это время не дышал – Бабахнуло, сверкнуло, и вот... появилась ОНА.

– Она?! – Аскер недоверчиво воззрился на странное существо.

– Ясное дело – она! Смотри – вон сиськи, вон жопа, и между ногами – видишь? Щель! Я вот вижу! Все, как положено бабе!

– А почему так стрижена? Почему волосы белые? – растерянно бросил Аскер, и тут же понял, что сморозил глупость. Откуда стражник это может знать?

– Ну... постригли ее так – хмыкнул Зегель – И мордочка у нее... ммм... я бы не отказался! Губки... ммм...

– Да тебе пора о душе думать – фыркнул сосед стражника, крепкий молодой мужчина – А ты о девках думаешь! Девка это, господин стражник, точно девка! Красива-я-аа... эх, мне бы такую!

Аскер рассматривал странное существо, и с каждым мгновением все больше убеждался – да, точно девка! Кожа белая? Так девки всякие бывают! Вон, на другом континенте, так вроде есть племя, у которых все девки белые! И с такими же белыми волосами!

Глаза голубые? Редкость, да. Так не красные же! Значит, не демон.

Рост большой? Так великаншу тоже можно трахать! Поставь ее на колени, пригни, и... прекрасно отдерешь, еще лучше, чем этих мелких девок, от которых вечно воняет рыбой и кислотой. А эта – видно, что ухоженная, гладкая, чистая... А то, что она в этом странном нижнем белье – так и чего? Может ей нравится разгуливать в нижнем белье!

Да... странное такое белье. Обтягивает, как вторая кожа. Аскер даже вначале подумал, что она голая. Но нет – сисек-то не видать! Вернее – сосков. И всего остального. Одежда, точно. Что-то в руках держит, что-то странное... Пытается что-то сказать... что за странный язык? Не язык, а какое-то собачье гавканье! Неужели не может на всеобщем?

Она была огромная, и прекрасная. Юное лицо, без намека на морщины, сияющие голубые глаза, длиннющие ноги и плоский живот. Грудь только совсем небольшая, но и то... если сравнивать с грудью женщин, которые стоят вокруг и смотрят на эту белокожую богиню... соски крупные, вон как оттопыривают ткань! Да и сами груди торчат, как каменные! Да она... совсем юная! Она практически девочка!

Аскера захлестнула волна жара. Он хотел, он желал эту девочку! Но больше всего хотел денег. Много денег! И у него было чутье, как у зверя Пустоши. Он чувствовал запах денег за тысячу шагов!

А еще – Аскер умел соображать гораздо быстрее, чем те, кто его окружал. И сейчас он снова оказался впереди всех на два шага – и в переносном смысле, и буквально.

Аскер шагнул вперед, раздвинул толпу и твердым шагом подошел к девушке, воплощение закона и порядка в блестящей кольчуге с нашитыми на нее знаками воинских различий. Подошел к великанше, и твердо, хмуря брови, спросил:

– Ты кто?! Демон, или человек?! Как здесь оказалась?! Хочешь унести кого-нибудь к Черному?!

Толпа загудела, несколько человек от нее отделились, и быстро пошли в стороны. Среди них – три беременных женщины. Видеть Нечистого во время беременности – верный способ родить уродца. Так что лучше быть подальше от СТРАННОГО.

Великанша чуть виновато улыбнулась на слова Аскера, и развела руками, сказав что-то непонятное. А у него перехватило дух и в штанах стало очень тесно. Кровь бросилась в чресла так, что Аскер едва не завыл от желания, как зверь Пустошей. Улыбка сделала лицо белокожей демоницы настолько привлекательным, настолько милым, что... стражнику захотелось вцепиться в нее руками и не отпускать... пока не изольется в девку весь, без остатка. И только через несколько ударов сердца он понял, что своими жестами хотела ему показать Белянка – она ничего не поняла из того, что Асер говорил.

– Она сказала, что проклянет всех, кто тут стоит и пялится на нее! – грозно крикнул Аскер – Разойдитесь, подонки! Ребята, вы чего стоите – палками их, палками! Сдохнут от проклятия – потом кто будет трупы таскать?!

Толпа начала быстро таять, оставшихся зевак разогнали стражники, ловко орудуя длинными, почти в рост человека палками. Умелый боец мог этой палкой переломить шею особо обнаглевшему бузотеру, или проломить негодяю голову. Или просто покалечить так, чтобы тот не мог ходить на ногах самое меньшее пять седмиц. Так что никто не хотел рисковать. Ну а пока толпу разгоняли – Аскер принял решение. Он резко свистнул, от чего Белянка испуганно вздрогнула (что Аскера очень порадовало – ведь демоны ничего не боятся, значит, это не демон). Извозчик тут же подъехал, увидел, что это Аскер – поморщился. Но ничего не сказал. Стражник отродясь не платил за проезд, но время от времени пользовался услугами извозчиков. Они его не любили, но и боялись. Попробуй, откажи ему – потом хрен появишься на рынке. Скажет, чтобы не пускали – и будешь ты таскаться по улицам столицы, тупо и грустно отыскивая клиентов. Со стражей шутки плохи! Особенно с Аскером, человеком коварным и злопамятным.

– Пойдем! – Аскер протянул руку Белянке, та посмотрела на нее, как на подкравшую змею, и тогда стражник улыбнулся как можно ласковее – Пойдем, пойдем! И показал на повозку извозчика.

Белянка недолго подумала, кивнула, и не обращая внимания на руку стражника влезла в повозку, покачнувшуюся под ее весом. Следом поднялся Аскер.

– Давай к Эдгелю! – приказал он, поднимая верх повозки – Да побыстрее! Знаю я вас, будешь тащиться, как дохлая крыса! Смотри у меня! Распустил я вас!

Говорил он это резким, угрожающим тоном, и Белянка с опаской на него покосилась. Аскер тут же как можно слаще ей улыбнулся, мол, не переживай! Это не тебе!

Слава богам – Эдгель был на месте. Он как раз стоял у входа своего короля и принимал очередную партию рабов, привезенных с юга. Рабы находились в нетоварном виде, потому Эдгель ругался с поставщиком, поминая всю его родню, и самого гада лично. Вся суть претензии заключалась в том, чтобы в дороге рабов кормили не так, как это отродье Черного, и по прибытии они не походили на изгородь из прутьев, а были похожи на обычных людей. Но Аскер знал, что говорит что-то корабельщику абсолютно бесполезно. Они экономят на всем, набивая рабов в трюм сверх меры, и практически не давая им корма за всю дорогу. Лишний корм – это деньги, это вес, который тормозит корабль. А рабов можно наловить сколько угодно – там как раз стоят имперские легионы, и раба можно купить за сущие медяки. Только дай себе труд поймать и пригнать очередную семью местных крестьян.

Кстати, особо ценных рабов все-таки кормят, и содержат в более-менее приличных условиях. Обычно это юные девочки, красивые женщины, юные мальчики, а еще – ремесленники, которые могут приносить доход своему будущему хозяину. Наложницы и наложники всегда были в хорошей цене, как и кузнецы, как и плотники. На них не жалко потратить лишнюю миску каши. А бесполезный балласт вроде тупого крестьянина довольствуется и кружкой воды на день. Чего на него переводить драгоценную пищу? Выживет – его счастье. Нет – рыбам тоже нужно что-то жрать.

Эдгель приятельски поприветствовал Аскера – воинским приветствием, пожатием запястья. Они давно и хорошо друг друга знали – выросли на соседних улицах, почти что дружили. Потом их пути разошлись. Эдгель получил наследство и открыл свое выгодное дело по перепродаже рабов, ну а Аскер, не имевший никаких богатых родственников и нужных связей – пошел в стражу. Где скоро выдвинулся благодаря своему живому уму, позволяющему быстро и безошибочно принимать решения, и умению ублажать начальство, поднося им достаточные для уважения подарки. Вначале он стал звеньевым в тройке, потом продвинулся до командира сенты, и затем уже долез до нынешней должности. Если бы не вспыхнувшая в нем страсть

к игре, Аскер поднялся бы еще выше. Но что поделаешь – случилось так, как случилось. Он променял карьеру на игру.

Эдгель вел дела честно, хотя и брал за посредничество большой процент. Так что немудрено, что Аскер обратился именно к нему. И тут никакого значения не имело, что они в детстве почти дружили. Каждый из них, если бы не дорожил репутацией и своим местом, перегрыз бы глотку этому своему «другу». Конечно, если бы куш был совсем крупным – и перегрыз бы. Но какие крупные куши между стражником, пусть даже и командующим полутора сотнями бойцов, и купцом, который ворочает десятками тысяч золотых. Не тот уровень у Аскера, чтобы купец точил на него зуб.

Аскер в двух словах объяснил Эдгелю ситуацию, пока тот с нескрываемым интересом разглядывал стоящую рядом и переминающуюся с ноги на ноги девушку, и первый вопрос, который задал стражнику купец, было:

– А проблем с ней не будет? Может она прибыла с какой-нибудь делегацией? Представляешь, если мы сейчас продадим на аукционе дочь иноземного короля? А что – за морями всякие люди бывают. Я слышал и о таких – высоких, и белолицых. Говорят, они даже на драконах летают! Прилетит такой гад, и выжжет нас тут до самых камней! И пепла не останется!

Купец явно начинал торговлю, Аскер это знал. Нагнетал ужасов, рассказывая о степени опасности сделки. Мол, только из жалости, из уважения к другу детства возьмет товар на комиссию! Рискуя всем своим имуществом, и самой жизнью! Но стражник видел, как загорелись его глаза, когда тот впился взглядом в задницу Белянки, обтянутую странной тканью.

– Вот что, Эдгель – Аскер посмотрел в глаза купцу, и криво ухмыльнулся – Ты чего мне тут дерьмо на уши вешаешь? Тебе дают возможность заработать, а ты еще и кобенишься?! Я сейчас развернусь, и отвезу девку к Урхарту, и уверен – он мне руки будет целовать за возможность хорошенько нагреть руки! Я к тебе как другу детства приехал, дать тебе возможность помочить клювик в деньгах, а ты тут чего мне распинаешься?! За идиота меня держишь?! Издеваешься?!

– Ладно, ладно! Не кипятись! – Эдгель примирительно выставил вперед ладонь – Хорошо! Я придержу девку, посмотрю – не будет ли шума после ее исчезновения. Но если начнется суматоха, девку будут искать – я ее таить не буду. Сдам власти, и даже денег за это не попрошу. Ты же знаешь закон – никто не может без решения суда обратить в рабство свободного гражданина – если только это не противник, не враг Империи, не захвачен в плен на поле боя. Давай-ка определимся с процентами. Я за свои услуги хочу... восемьдесят процентов!

Аскер охнул, и назвал Эдгеля гнусным хапугой, на что тот радостно захихикал, тряся жирными щеками и вытирая с лица пот (жарко сегодня). Но как ни странно – сторговались они быстро. Эдгелю тридцать процентов, Аскеру семьдесят. В сумму комиссии входят и рекламные листки, рассылаемые торговцем самым известным покупателям столицы. Так делается, когда в руки купца попадает особо ценный экземпляр раба, или рабыни – самые красивые, самые экзотичные. Цена может доходить и до тысячи золотых за экземпляр. Обычная цена на хорошего раба – двадцать золотых, за рабыню – до сотни. Но тут... совсем другой случай. Уникальный случай! Возможно – единственный. Так что партнеры рассчитывали на хороший куш.

А Белянка все время, пока стражник и купец торговались, стояла и разглядывала рабов, которых проводили мимо, повозки, на которых их привезли, и вообще все вокруг – мило морща свой аккуратный носик, и брезгливо поджимая губы, когда со стороны вымазанных нечистотами, завшивевших рабов до нее доносился густой, едва переносимый запах. Даже Аскер, который давно привык к любым запахам и видевший не такое, морщился, и мечтал поскорее закончить переговоры и отправиться отсюда подальше.

Они быстренько написали и подписали расписку, в которой указали условия сделки, и Аскер улыбнувшись Белянке, сделал жест рукой – давай, проходи внутрь. Купец тоже улыбнулся, его желтые зубы показались в разрезе толстых губ, и это было похоже на то, как если бы

улыбнулась здоровенная тыква. Лучше бы он не улыбался. Беянка сразу заподозрила неладное. От такого уroda, как Эдгель, можно ожидать чего угодно. Аскер уже ожидал неприятностей – сейчас придется тащить ее силой – но... Беянка пошла сама. После раздумья, морща лоб, но пошла. А что ей еще оставалось? Куда бы она делась? Все, милая, попала в капкан – сама себе ногу не отгрызешь. Теперь твоя жизнь в руке охотника. И смерть.

Длинный полутемный коридор привел в комнату, где имелись только стол, прикрепленный к полу, лежанка, покрытая выцветшим одеялом, и... больше ничего. Если не считать дырки в полу, в которой журчала вода. Водяной сортир! Нечастое дело!

Рабский барак Эдгеля отличался от других подобных заведений тем, что здесь соблюдали чистоту и порядок. Потому выбраковка рабов у него была самой меньшей на рынке. Он даже мага-лекаря вызвал к особо ценным рабам, а время от времени устраивал общую помывку рабов и чистку территории. Так что у него никогда не было массового падежа. Хороший хозяин заботится о своем рабочем скоте.

Беянка, увидев, куда ее ведут, было заартачилась, встав на пороге, но два крепких, кряжистых надсмотрщика, которые как из воздуха появились сзади нее, бесцеременно толкнули девушку в спину, и она влетела в комнату так, будто ничего и не весила. Надсмотрщики у Эдгеля тоже самые лучшие – могучие, умелые, и никогда не калечившие рабов ради удовлетворения своих низменных прихотей. Аскер никогда не слышал, чтобы надсмотрщики Эдгеля насиловали рабынь, что частенько бывало в других коралях. Рабыня – это товар, и если слуги будут его портить – зачем нужны такие слуги? Тем более что девственницы стоят гораздо дороже тех рабынь, через которых прошли десятки, а то и сотни мужчин. При частой эксплуатации рабыни, волей-неволей в ней что-нибудь, да повреждается. Особенно если она попалась любителям трахать в зад. Такие рабыни нередко умирают от заражения крови, или сходят с ума, превращаясь в покорный овощ, или истекающую слюнями уродину. Вот купит рабыню хозяин – и пусть делает с ней что угодно. Хоть на части режет. А пока – сон, хорошее питание, отдых, и как следствие – товарный вид и ббольшая цена. Так Аскеру как-то сказал Эдгель, знаток и умелец в деле продажи рабов.

– Снимите с нее эти тряпки – приказал Эдгель – Я хочу посмотреть на нее обнаженную.

И тут же, обращаясь к Аскеру:

– Ты ее еще не трахал? Не попортил? Она девка, или уже баба?

– Да откуда я знаю – фыркнул Аскер – Я бы трахнул, но деньги нужны. Сейчас сам узнаешь – какая она.

И они узнали. Первый надсмотрщик, который приблизился к Беянке и попытался сунуть руку за пояс ее странных штанов, получил такой могучий пинок, что полетел к стене, врезался в нее, и остался лежать, скрючившись, как в младенец в утробе матери. А Беянка будто прозрела, поняла, что на самом деле происходит – одним прыжком бросилась к двери, разбросав в стороны и Аскера, и Эдгеля, и...

Ей бы удался этот отчаянный рывок, но не зря Эдгель подбирал себе самых лучших надсмотрщиков. Тот, кто остался стоять на ногах, метнулся следом за девушкой, и ей на затылок обрушился удар мягкого, увесистого кожаного мешочка с песком. Голову им проломить было невозможно, но вырубал он человека наверняка, надо было лишь попасть в нужное место. И надсмотрщик попал. Девушка будто споткнулась, и... полетела вперед, головой в косяк. Но и тут надсмотрщик не сплеховал – мгновенно отбросив мешочек, подхватил беглянку, и мягко опустил на пол.

– Получишь премию! – потирая плечо, бросил слуге Эдгель – Молодец! А она... хороша! Ты посмотри, какая живенькая! Конечно, у хозяина будут с ней проблемы. Но я знаю таких, кто очень любит обламывать строптивых рабынь. Я просто-таки в предвкушении аукциона! Мы с тобой заработаем хорошие деньги!

Он помолчал, глядя на медленно встающего с пола первого надсмотрщика, и бесцветным голосом сказал:

– Десять процентов жалованья – штраф. Чтобы в другой раз не позволял какой-то там девчонке вышибать из тебя дух. Еще раз такое допустишь – уволю. Позор! Перед другом меня опозорил!

Помолчав. И переведя дух, снова потер плечо, ушибленное девушкой, и уже нормальный голосом приказал:

– Кладите ее на стол. Снимите с нее всю одежду и привяжите, как следует.

Наемники повиновались, и было видно, что они с некоторой натугой поднимают девчонку. Та казалась очень стройной, даже хрупкой, но похоже, что весила она очень даже прилично. Иллюзия хрупкости возникала от того, что девушка очень высока. Аскер прикинул – девчонка должна была весить не менее крупного мужчины. И еще он заметил, когда ее уже раздели донага – жира у нее практически нет. Сплошные мышцы, жилы и кости. Явно она где-то занималась физическими упражнениями.

И он вдруг почувствовал какое-то... сомнение в правильности своих действий. В душе просквозил холодок. Правильно ли он поступил? Может она и правда дочь какого-нибудь иноземного короля, и прибыла в страну с папенькой? Вот же будет скандал! Уж больно девка ухоженная, да чистая. От нее даже пахнет не так, как от обычных девок – потом пахнет, это само собой. Но чистым потом, не застарелой вонью базарной шлюхи. А еще – какими-то притираниями, тонкий, едва уловимый цветочный запах. Аскер даже не выдержал и понюхал у нее между ног – и там пахло притираниями, а еще – чистой, ухоженной женщиной. Никакого рыбного запаха, никакой вони застарелой мочи.

Аскер вдруг пожалел, что привел ее к работорговцу. Вот бы взять ее себе в наложницы! Она бы родила ему красивых детей... он бы не слазил с девки всеми ночами! И днями – тоже.

Глупости, конечно же. Ему такое чудо не удержать. Этот товар для богатеев. Его, Аскера, участь – трактирные шлюхи, которые наскоро подмылись после двадцатого за сегодня клиента. И на душе стало так гадостно, как не было гадко даже сегодня утром, с похмелья.

## Глава 3

Очнувшись, Настя секунды три не могла понять – где находится, и что с ней происходит. Потом почувствовала спиной твердую, холодную поверхность, лежать на ней было неприятно, некомфортно. Настя дернулась, и... ощутила боль. Боль между ног. А потом приподняла голову и увидела мужчин, которые улыбались и что-то говорили. Звуков Настя не слышала, в ушах будто вата. Но еще через секунду звуки стали прорываться, усиливаться, и уже буквально загромыхали. Люди хохотали, и хлопали в ладоши, а Настя почувствовала, как твердые, немилосердные пальцы теребят ее губы снизу, раздвигают их, раздирая как можно шире. И тогда она рванулась что есть силы, заревев, как раненая волчица. Стол содрогнулся, но путы, которыми девушка была привязана, выдержали, не подавшись ни на сантиметр. Только руки и ноги заболели, стиснутые до самого предела.

И тогда она вспомнила все: площадь, заполненную людьми, будто вышедшими из «Игры престолов». Мужчину в блестящей кольчуге – у него было довольно-таки приятное, располагающее лицо. Он похож на учителя истории из гимназии, зачем-то напялившего наряд старинного воина. Женщины в длинных, до земли юбках, и мужчины, на поясе которых висели кинжалы, а у некоторых и длинные мечи.

Настя помнила и то, в каком состоянии она находилась. Сон, вот на что это было похоже. Дурной сон! Казалось, стоит сделать усилие, и ты проснешься. Ну а пока – почему бы не посмотреть на происходящее в этом сне? Ведь интересно! И она смотрела. Стояла, и смотрела на разношерстную толпу, смотрела, когда ехала в древней, как дерьмо мамонта повозке, запряженной странной горбатой лошадей, больше похожей на ламу, или антилопу. Смотрела, и чуяла запах испражнений, который исходил от истощенных, шатающихся от слабости рабов, закованных в цепи. Кошмар! Яркий, ролевой – Настя таких еще не видела!

И только когда ее впихнули в комнату, и она едва удержалась на ногах – девушка поняла: это не сон! Это явь! Каким-то образом ее перебросило в чужой мир! Она ведь читала о таком в фантастике! Целыми днями ее слушала, а не поняла, что такое на самом деле бывает! Фантасты не вдали! Они ЗНАЮТ!

И не будет никаких Черных властелинов, падающих к ногам красотки. Не будет принцев, в очередь становящихся, чтобы припасть губами к «заветному бутону». Сейчас ее разложат на столе, и будут насиловать грязными членами, собравшими заразу всего средневекового мира. И закончит Настя свои дни где-нибудь в грязном притоне, «украшенная» провалившимся от сифилиса носом, истекающая кровью из порванных внутренностей, худая и больная шлюха, истерзанная жестокими мужиками.

И тогда кровь поколений русских людей, не сдававшихся даже в самых безнадежных ситуациях, выиграла в Насте, вскипела яростью благородной и бросила ее в бой. И пофиг, сколько перед ней противников – хоть одного, двух – да заберет с собой! И речь идет уже не о жизни – только о чести, и о том, что: «мы не рабы, рабы не мы!»

Тот, кто попытался залезть к ней в трусы – поплатился первым. Годами тренированная, сильная нога выстрелила вперед, и кряжистый крепыш впечатался в стену, как футбольный мяч. Потом – отлетели в стороны сбитые сильными руками волейболистки жирняк с улыбкой ожившей жабы, и этот... поддон в блестящей кольчуге, который привел ее к рабовладельцу.

Прыжок, и... вот она свобода! Еще немного, еще чуть-чуть!

Но тут мир погас. И очнулась она уже на столе – голая, с разведенными широко в стороны руками и ногами. Ноги развели так далеко, что получился практически поперечный шпагат. И это было настолько унижительно, настолько мерзко! Четверо мужчин стояли и смотрели туда, куда может смотреть только врач, да еще любимый человек, для которого Настя берегла свою девственность. Жабообразный раздвигал ей губы и что-то показывал второму, тому, что

в кольчуге, и она догадывалась, что именно он хотел показать. Девственницы ценились гораздо выше обычных женщин. Настя это знала из фэнтези, а еще – из всяческих исторических книг. Так что она – ценный товар для этих уродов.

Толстяк как-то особо больно ее ухватил, дернул, и Настя, как ни крепилась, но не выдержала и застонала. Толстяк хохотнул, сказал что-то «кольчужному», отпустил ее, и эдак ласково-покровительно похлопал по голому бедру. И это было похоже на то, как хозяин ласкает кошку или собаку. Затем что-то привлекло его внимание и он нахмурился. Протянул руку и дернул Настю за волосы на лобке – больно, так, что у Насти из глаз снова потекли слезы. Чуть с корнем не выдрал!

Настя подбривала зону бикини, но оставляла наверху неширокую длинную полоску. Большинство девчонок брили все налысо, но у Насти очень нежная кожа, и она старалась ее побережь. И после бритья, и после шугаринга у нее вдруг вскакивали прыщи, и ей приходилось долго и мучительно их выводить. Дикое раздражение, и ничего не помогало. Лазер? Чепуха этот лазер – говорят, он действует только на брүнеток. В любом случае – Насте он ни черта не помогал. Так что брила она только там, где волосы могли вылезти из-под трусиков, да и не хотелось выглядеть перед девчонками селянкой, устроившей между ног «воронье гнездо». Небривый лобок у девчонок считался признаком провинциальности, и только Насте прощались такие причуды. Мол, выпендривается! «Я не такая как все!» Но она и была не такая как все, так что волосатый лобок укладывался в рамках ее имиджа.

И вот этому толстяку явно не понравилась ее интимная прическа, что и показал своими зверскими манипуляциями. Дальше он провел пальцами по ногам, довольно кивнул, но на лодыжках задержался. Настя знала, что ноги пора было брить, она и собиралась это сделать перед выходом в город. Не успела. И вот этот жабообразный заметил начинавшие расти волосы.

Потом пришел черед сосков. Подонок выкрутил сосок левой груди, сжав его сосискообразными пальцами, и снова Настя застонала, и слезы полились ручьем – больно! Она выругалась матом, забыв о всех правилах приличий, вбивавшихся семьей. Когда русского человека прижмет, он матерится так же, как и сантехник, облитый фонтаном дерьма, вырвавшимся из унитаза. И домашняя девочка, голой распятая на столе, в этом смысле совсем не исключение из правил. Материлась Настя самозабвенно, от души, желая толстяку трахнуть самого себя, да так, чтобы у него в заднице завелись такие же жабы, как и он сам. И рассказала, из какого отверстия он появился на свет, и кем были его уроды-родители.

Впрочем, толстяка ее выкрики только забавляли. Потому он уцепился за сосок правой груди, и крутил теперь оба соска, оттягивал, пока Настя вертелась на столе, выгибаясь, почти становясь на мостик от боли. Когда он отпустил, Настя посмотрела на груди, ожидая, что они залиты кровью, а сосков на месте нет, но слава богу – все было цело, и от экзекуции осталась только тупая, ноющая боль.

Толстяк снова хохотнул, и эдак ласково похлопал Настю между ног, соадострастно поглаживая кончиками пальцев. Потом приложил ладонь к носу, шумно втянул воздух и дал понюхать тому, что в кольчуге. И оба довольно улыбнулись и закивали, будто подтверждая сказанные слова.

Извраты поганые! – подумала Настя – Погодите, вот только развяжете, я до вас доберусь, мрази!

Но дергаться не стала, потому что поняла – ее беспомощные попытки освободиться вызывают у присутствующих только смех, а еще – распалют похоть. Настя видела, как они обливают взглядом ее тело, останавливая взгляд у нее между ног, и ее пробирала нервная дрожь. Настя понимала, что если ее сразу не изнасиловали, значит – готовят на продажу, значит ЭТО еще впереди, но... есть хоть мизерный, но шанс избежать насилия. Однако женское чутье ей говорило, что эти похотливые мрази близки к тому, чтобы наплевать на деньги и трахнуть ее прямо здесь, «не отходя от кассы»).

Наконец, толстяк мотнул головой, будто отгоняя дурные мысли, и что-то резко сказал «кольчужному». Тот слабо улыбнулся, пожал плечами, вздохнул. И Настя украдкой вздохнула. Она поняла – изнасилование откладывается. Деньги перевесили все.

Затем все вышли из комнаты, закрыв за собой дверь, но Настю никто не попытался отвязать. Так она и лежала – раскоряченная в непристойной позе, залитая слезами ярости и отчаянья. Нет, Настя не оставила попыток освободиться – дергалась, натягивала путы, проверяя их на крепость, но ничего не помогало. Ноги в бедренных суставах начали ныть все больше, и это «нытье» перешло в боль. Растяжка у Насти была на уровне – она спокойно садилась на поперечный шпагат, переходила из поперечного в продольный, задирая ногу в балетном движении даже не помогала себе рукой – удерживая ее над головой. Давала знать танцевальная, считай балетная подготовка. Но... эта поза была неестественной, и суставы начали протестовать против такого грубого с собой обращения. И спина заныла – стол жесткий и холодный. Здесь, в этом чертовом бараке, было прохладно, как где-нибудь в глубоком погребе. Да еще похоже что Настя занозила себе спину, когда дергалась на столе в беслезной попытке освободиться. Само собой, никто и не подумает ставить в рабскую каморку полированный стол. Хорошо хоть от коры очистили те доски, из которых его сколотили. И вообще – что касается условий содержания, это были просто-таки хоромы, если вспомнить, как содержат других, гораздо менее ценных рабов. Настя видела, в каком состоянии были те, кого вели мимо нее. Скелеты, а не люди! Непонятно, как душа в них еще удержалась.

Еще через минут пятнадцать у нее ныло все – суставы распыленных ног, плечи, спина, даже копчик, на котором она дергалась на столе, лодыжки, перетянутые повязками, затылок, по которому похоже что ее и приложили дубинкой. Настю подташнивало – видимо она получила микросотрясение мозга, не зря же ее отключило наповал.

Через час Насте уже хотелось выть, от боли и она с трудом сдерживалась от рыданий. Плевать на моральные страдания – ей было больно так, будто ее вывесили на кресте, как раба Спартака, пойманного легионерами. Да, такая казнь очень даже неприятна и без вбитых в ноги и руки гвоздей. Тебя просто притягивают к столбу, позволяя стоять на перекладине, и ты стоишь, изнемогая от боли в руках и ногах, пока не спянешь, или пока тебя не заберет милосердная смерть. Вот когда понимаешь, что укол копья в сердце от жалостливого легионера суть не зверство по отношению к осужденному, а благо, которое он подарил распятому преступнику.

И как вишенка на торте – Насте ужасно хотелось помочиться. Она не делала этого уже... и не помнила сколько времени. Давно! А как известно – женщины не могут терпеть часами. И потому, как Настя не крепилась, а все-таки не выдержала. Зажурчала струйка, и под ней стало мокро и тепло. Пока тепло, но скоро эта мокрота делается холодной и мерзкой. А еще – от Насти будет вонять так же, как и от всех рабов. Впрочем, может это и к лучшему. Может насильники не позарятся на грязнулю? Хотя... Настя в этом сильно сомневалась – от них самих несло таким душком, что рабы воняли всего лишь чуточку менее духовито. Похоже, что в этом мире не особо заморачивались с гигиеной.

Дверь открылась через час. А может и через два часа – время потряло свою размеренность. Настя лежала в луже мочи, ее бил озноб, и тело превратилось в сплошную рвущую рану. Никогда она еще не испытывала таких страданий. Боль после тренажеров? Да ерунда! Мышцы болят, вот еще страдания! Чушь собачья! Живот болит перед месячными? Тьфу одно! Ушибла руку, потянула связки? На следующий день все пройдет! А тут... хотелось выть, и рыдать, выть, и рыдать!

В дверь вошли трое – толстяк с жабьей мордой, такая же толстая, приземистая баба лет сорока, с рожей, на которую навечно приклеилось выражение недовольства всем на свете, и мужчина лет пятидесяти на вид, одетый в черную (это во время жары-то!) одежду, напоминающую некую униформу. Сходство с униформой подтверждалось еще и знаком, нашитым

на плече у «черного». Что-то вроде нашивки, которую носят в армии. В руках мужчина держал довольно-таки объемистый саквояж, весивший судя во всему очень даже немало – «гость» явно напрягался, держа его в правой руке.

Баба, увидев лужу под Настей что-то ей резко сказала, а потом вдруг несколько раз ударила ладонью по бедру и по губам между ног, явно стараясь причинить как можно больше боли. Настю в ушибленных местах будто огнем обожгло – ладонь бабищи была твердой, как из дерева, и такой же шероховатой. И была она от души.

Толстяк сказал что-то неприятное для бабищи, и она тут же будто осела, выпустив из себя воздух, как резиновая кукла. Затем поклонилась и выбежала из комнаты, появившись буквально через минуту с тряпкой и ведром в руках. В это время толстяк и «черный» неспешно вели беседу, по-хозяйски поглядывая на распростертую на столе девушку. Затем «черный» кивнул, и полез в саквояж, копаясь в его внутренностях и позвякивая содержимым. Наконец, на свет появилась большая стеклянная плошка с белым содержимым – видимо какая-то мазь. Потом – пузырек из коричневого стекла, затем – банка с маленькими монетками, или чем-то похожим на монетки – серебряные, размером с ноготь мизинца.

Бабища закончила мыть стол, подмыла и девушку, незаметно больно толкая Настю в бедро и щипая ее за задницу (синяки потом будут, Настя знала!), вытерла пол, и тогда к связанной девушке подступил человек в черном. Настю так никто и не подумал развязать, но теперь ей не до стыда и моральных страданий. Слезы из ее глаз текли сами по себе – больно было ужасно. Само собой – ее слезы никого не интересовали. Рыдает раб – так на то он и раб, чтобы страдать. Он наказан богами – или за свои прегрешения, или за грехи предков.

«Черный» простер над Настей руки, и она вдруг почувствовала исходящее от них тепло. Руки светились! Вначале зеленым светом, потом цвет изменился на голубой, и от рук явственно повеяло жаром. Колдовство! Магия! Настоящая магия!

Колдун поводил руками над Настей, довольно ухмыльнулся, что-то сказал толстяку. Тот тоже залыбился, и даже хлопнул в ладоши – радуется, сука! Больше всего Настя сейчас хотела бы врезать ему пяткой в морду, да так, чтобы он залился кровью! Настя никогда не была пацифисткой, а сейчас вообще люто ненавидела этих людей. В том числе и колдуна, который работал на рабовладельца. Тот, кто работает на работоторговца – сам мразь и паскуда, заслуживающий смерти. И Настя внимательно смотрела в лицо этого поганца, чтобы запомнить его черты. Когда-нибудь она его достанет, чего бы это ей не стоило. Четвертым будет в списке – вместе с толстой бабищей, которая хлестала ей по промежности. Ууу... крыса мерзкая!

Колдун достал еще что-то из своей сумки, подошел ближе, и Настя увидела – что это такое. Металлический ошейник, очень похожий на собачий. И сразу поняла, что сейчас будет. Однако смотрела на этот атрибут рабской жизни спокойно, замороженно, так, как если бы ожидала чего-то подобного. Даже боль отступила, оставив вместо себя только лишь разочарование, досаду, и глухую тоску. Вот оно – началось! Теперь – все! Теперь она не человек, а вещь, с которой можно сделать все, что угодно!

А тем временем колдун подошел к толстяку, и тот протянул руку. Колдун достал откуда-то из-за отворота иглу, кольнул толстяка в палец, затем приложил к пальцу ошейник. Капелька крови вскипела и впиталась в металл, не оставив после себя ни следа. А после колдун шагнул к Насте, надел и защелкнул ошейник у нее под подбородком.

Настя забилась, задергалась, становясь почти на мостик, ошейник ожег ее так, будто он был раскален на огне. Колдун успокаивающе похлопал ее по лобку, спустился чуть ниже и с улыбкой погладил ее между ног, что-то при этом сказав толстяку. Тот засмеялся и отрицательно помотал головой. Похоже, колдун осведомился, не может ли он трахнуть такую славную девочку, и толстяк перевел все в шутку – мол, не шути так! Девочка с целкой стоит гораздо дороже!

Настя интуитивно понимала смысл того, что говорили эти люди. Талант полиглота, плюс живой ум, отличная память, плюс тысячи прочитанных книг, в том числе и тех, в которых художественно описывалось рабство. Она ЗНАЛА о чем говорят эти негодяи. И ей снова хотелось плакать. Она – ТОВАР! Что может быть страшнее?! Если только посадка на кол, или поджаривание в котле... но и это для раба – совсем даже не фантастика. С ним можно сделать все, что угодно. То есть – с ней. И надо на будущее это учесть. Если сможет, конечно.

И снова ей полезли в киску. Теперь – колдун. Осмотрел, кивнул толстяку, довольно осклабился, демонстративно вздохнул. Толстяк расхохотался, хлопая руками по бедрам. Что-то ответил колдуну, тот шуточно-демонстративно скривил губы, похлопал по мешочку, висевшему на поясе, развел руки. Мол, таких денег у него нет. И снова толстяк расхохотался. Он вообще выглядел в высшей степени довольным и благостным. Радует, сука, что заполучил красотку! – поняла Настя.

А потом у нее уже не было возможности что-то понимать, о чем-то рассуждать. Бабища по команде толстяка схватила ее за голову, прижимая к столу, а колдун влил Насте в рот содержимое коричневого пузырька – горькое, вязущее, пахнущее травами и чем-то неуловимо неприятным, протухлым. Насте зажали нос, и она волей-неволей была вынуждена проглотить эту дрянь – хотя бы для того, чтобы не захлебнуться и начать дышать.

Снадобье подействовало минуты через две. Вначале Настю охватил жар, будто ее вынесли на солнцепек. Потом она задрожала, заклацала зубами, как после порыва ледяного ветра, а еще через пару минут мозг Насти впал в ступор – все казалось далеким, нереальным... звуки доходили будто издалека, как сквозь вату. Боль ушла. Она больше ничего не чувствовала – ни твердой поверхности стола, ни толстых пальцев бабищи, которыми та выкручивала ей сосок левой груди, улыбаясь, как Чикатило во время убийства жертвы. Настя не чувствовала даже прикосновений – так, как если бы кожа покрылась толстой стальной броней.

И еще – ей стало совершенно все равно, что сейчас произойдет. Теперь Настю можно было бить, щипать, резать, насиловать и мучить как кому захочется. Ей было все равно. Она плавала в каком-то розовом тумане, из которого время от времени появлялись головы людей, и ей было хорошо и спокойно. Настя даже улыбнулась – счастливо и весело. Она всех любила, и единственное, чего хотела – доставить радость всем, кто есть рядом с ней. Пусть даже для этого ей придется умереть.

\* \* \*

– Ты не лишнего ей дал, Мастер Джастин? – озабоченно спросил Эдгель – Роба у нее больно уж довольная. Смотри, испортишь ей мозги, будешь платить за ущерб!

– Эдгель, ты оскорбляешь меня как профессионала! – окрысился маг – Ты мне платишь, я отвечаю за результат! Что, лучше, чтобы она была в сознании, когда я стану ей вставлять амулет? Я что, первый раз это делаю?!

– Ну... извини, Мастер – пожал плечами работороговец – Просто я раньше не видел, чтобы девка ТАК себя вела после снадобья покоя. Ты же все-таки большую дозу ей дал, я видел.

– Так и масса у нее какая! – нахмурился маг – Она весит больше взрослого мужчины! Значит, и снадобья надо больше! И вообще – не мешай работать! Я знаю, что делаю.

И тут же усмехнулся:

– Есть способ, как смягчить нанесенный мне моральный ущерб (он широко улыбнулся). Оставь меня с ней на полчаса. Обещаю, девственность будет цела. Мало других дырок, что ли? Постараюсь ее не повредить! Когда еще выпадет случай поймать ТАКУЮ красотку!

– Плати тысячу золотых, и хоть в глазницу ее трахай! – парировал сердитый Эдгель – Я же тебе уже сказал! Любой дельный лекарь сразу скажет, что у нее в заднице уже побывал чей-

то член. И сразу цена упадет! И зачем мне это надо? Хватит дурью страдать, работай! За что деньги плачу?

Маг горестно вздохнул, в сердцах махнул рукой и приступил к работе. Девушку уже отвя-зали, и она сидела на столе, сведя вместе колени и тупо улыбаясь в пространство. Она выглядела совершенно счастливой, и маг вдруг подумал о том, что лучше всего на свете живется вот таким, опившимся правильного зелья. Они всегда и всем довольны, всегда счастливы и незло-бивы. Главное – вовремя принимать зелье. И тогда тебя не коснутся никакие проблемы мира.

Маг поднял левую руку девушки и оставил ее висеть в воздухе – девушка никак на это не отреагировала. Ее сейчас можно было поставил в любую, самую причудливую позу, и она простоит так до тех пор, пока снадобье не выветрится из организма. Несколько часов – точно. И еще – теперь девушка не чувствовала боли.

Лекарь сделал надрез в подмышке девушки – потекла кровь, но он тут же остановил ее усилием воли, дав импульс магической силы. В разрез вложил две «монетки»-амулета – один в верхнюю часть разреза, другой в нижнюю. Потом снова дал магический посыл – теперь уже на зарастание раны. Через минуту на месте глубокого разреза не было ничего, кроме двух маленьких точек, будто сделанных рукой татуировщика. Так отмечали место закладки амуле-тов. Две точки указывали на то, что амулетов было заложено два.

– Ну вот... дело сделано! – довольно осклабился маг – Теперь не будет ни беременности, ни заразы. Можно ее спокойно иметь как хочешь. Сплошная прибыль! Представляю – если ее сдать в аренду, в публичный дом – к ней очереди будут выстраиваться! Это же экзотика!

– Ага... – иронично хмыкнул толстяк – И первому же клиенту она откусит яйца. Вместе с членом. А потом выбросит в окно. Ты бы видел, как она Хиста шибанула! Два ребра ему сло-мала, ты же сам лечил. Эта девка необъезженная, надо вначале ее сломать, сделать так, чтобы она сама просила вставить ей член, да поглубже! Иначе... будет побоище, и ничего больше. Ты к делу, к делу давай! У меня еще работы выше крыши. Хватит болтовни. Убери эти дикарские волосы с лобка, и везде, где найдешь и не найдешь. Обработай с ног до головы. Чтобы ни одного волоска не пропустил! Господа-аристократы не любят волосатых девок. Рабыни должны свер-кать голыми лобками – такое вот у них поветрие в последние годы.

– А жаль – ухмыльнулся маг – У нее такой красивый белый пушок... такой мягкий, такой... соблазнительный!

Он погладил девушку между ног, потом аккуратно завалил ее на спину.

– Ладно... приступим. Будет тебе гладкая, как коленка, кожа. Кстати – ты только посмотри, какая она у нее гладкая! А губки – как у ребенка, они еще даже не выпирают из щелки! Ухх... мечта, а не девка! Снизь цену, мерзавец ты жадный! Ну хоть за две сотни отдай! В рассрочку...

– В рассрочку?! Ха ха ха... и это я – жадный мерзавец?! Ты, пьющий с меня кровь за каж-дое лечение?! Ох, я не могу! Я – жадный! Насмешил! Кстати, ты так и не сказал – что у нее со здоровьем. Есть какие-то недостатки?

– Нет. Поразительно здоровая девица. Могу сказать больше – я таких еще не встречал. Обязательно или с желудком проблемы, или киста на яичниках, или... да всегда что-то нахо-дится! А тут – ну просто идеал здоровья! И видно, что занималась какими-то физическими упражнениями – хорошо развиты мышцы, даже слишком хорошо. Жира – очень мало. Есть следы трещины на лодыжке, и несколько утолщений на голени – как от ударов. Но это был давно, все заросло. Ни одного больного зуба, демон ее задери! Дыхание чистое, свежее, как у ребенка. И между ног пахнет только цветами. Не то что у наших баб... (надсмотрщица Эдгеля презрительно фыркнула). Ну что еще сказать... богиня, да и только! Интересно, сколько ты возьмешь за нее на аукционе...

– Мне это тоже интересно – сознался Эдгель, и довольно ухмыльнулся. Ему было хорошо. Подфартило сегодня! Спасибо Аскеру! Вот бы еще его кинуть, мерзавца... а то слишком много

денег получит. Может договориться с аукционщиком чтобы тот как-нибудь пособил? Нет, рискованно. Аскер, конечно, мудака... но у него есть кое-какие связи, и вообще – он может осложнить жизнь. Да и репутация... Нет, не стоит оно того. Будем работать честно!

## Глава 4

Эдгель взял в руки этот черный кусок ткани, надел его на обе руки и растянул в стороны. Широко растянул! Ткань была странной, он никогда такой не видел.

А еще – он не мог представить, как ЭТО можно носить! Предназначение изделия неизвестных мастеров было понятно – тоже самое, что и для кружевных панталончиков родовитых дам. Только у них ЭТО спускалось до колен, и подвязывалось шнурками. И точно не выглядело, как две веревочки, соединенные с лоскутком ткани. Этот лоскуток с трудом мог прикрыть щелку и часть лобка, а как же тогда остальное? Средняя веревка явно уходила в попу, и Эдгель невольно поежился – это ведь неприятно! Натирает! Зачем носить ТАКОЕ?! Или у неизвестного племени великанов такие панталоны имеют какой-то ритуальный смысл? Но вот – в каком-то южном племени юноши иницируются, становясь мужчинами путем нанесения себе шрамов. На животе, на спине, на боках, и самое главное – на лице. Может и у великанов такое же? Достигла девушка детородного возраста, и надевает эти панталоны. Истязает себя! Натирает себе заднюю дырку. Ну... готовит себя к будущей семейной жизни!

Эдгель довольно ухмыльнулся – ему понравился ход мыслей. Вот все-таки он совсем неглупый человек! Сделал несколько умных предположений, и пришел к единственно правильному выводу! Этот предмет нужен для того, чтобы девушка готовила себя к сношению через задний проход! Огрубляла, делала выносливее, готовясь к встрече с Господином. Замечательно! Он настоящий ученый!

Так... дальше... ну, с жилетом понятно. Прикрыть сиськи. Только ткань та же самая странная – тянется, да еще как!

Штаны. И штаны из той же ткани. С штанами тут никаких проблем. Похожие носят южные аристократы, обтягивая ноги, как трактирные танцовщицы. Отвратительная привычка для мужчин! Ладно там девки, им положено демонстрировать свои ляжки, но мужчины?! Южное королевство состоит из настоящих извращенцев. Эдгель слышал, что их женщины совсем не стесняются наготы и купаются вместе с мужчинами, а еще – у них есть наряды, полностью открывающие грудь. И мужчины спокойно относятся к тому, что их женщины показывают грудь кому попало!

Там и еще кое-что происходит... у них есть культ богини любви, и что творят эти южане в праздник Богини – даже говорить стыдно. Храм, кстати, строго-настрого запретил эти оргии, так как они неуютны Создателю. Но южане до сих пор чествуют своих диких богов.

Кстати, может Белянка откуда-нибудь с юга? Ну а что – какое-нибудь племя, затерянное в горах, и...

Дальше Эдгель ничего придумать не смог. Ну – племя, ну – затерянное. И как она оказалась здесь? Откуда взялась? И почему она такая... наивная? Неужели сразу не поняла, что ей грозит?

И почему не знает всеобщего языка? Самые что ни на есть убогие, дикие племена – все владеют всеобщим! Да – у них свой говор, да – слова произносят не так, как положено цивилизованным людям. Но всех можно легко понять! И это немудрено, ведь когда-то все люди в мире были одним народом, и только после Войны Богов, разбившей мир на осколки, люди были раскиданы по всем концам необъятного света. Один народ, один язык. А тут...

Эдгель снова взял в руки черные панталончики-веревочки, помял в руке, приложил их к лицу и глубоко вздохнул. И едва не задохнулся от желания, вздрогнул от прилива крови к чреслам. Легкий запах каких-то экзотических цветов, смешанный с запахом чистого девичьего тела, женского мускуса... это сводило с ума. И он снова задумался – а может пойти, да и взять ее... сзади? Может, не откроется? Он же аккуратнo, ничего ей не порвет! И никто ничего не обнаружит при осмотре! Эдгель даже вскочил с места, шагнул к двери... и тут же

опомнился. Дело, есть дело – а потеха потом. Нельзя! Категорически нельзя трогать девку! Она должна быть свежей, как только что распустившийся бутон цветка!

И тогда Эдгель рванул дверь и быстрым шагом пошел по коридору. Дойдя до комнат, где содержались лучшие рабыни для продажи, он позвал надсмотрщицу и приказал привести к нему трех самых чистых юных девушек – не девственниц, но чистых. Предварительно как следует их вымыл. А еще через полчаса уже сидел на кушетке, и три обнаженных молодых девушки обрабатывали его со всех сторон. А та, которая сидела на корточках у него между ног, он держал за голову и насаживал на себя со всей возможной страстью, не обращая внимания на ее хрипы и бульканье (пусть только попробует блевануть!). Глаза его были закрыты – он представлял, что улаживает его Белянка – прекрасная, недостижимая мечта любого мужчины. Очень дорогая мечта!

А когда его высосали досуха и вылизали до блеска, он прогнал девок, сел за стол и начал составлять письмо, которое отправит всем важным господам столицы.

Само собой – Императору он написать не решился. Это было бы расценено как наглость, преступная наглость. Кто он такой, чтобы напрямую обращаться к наместнику Создателя на Земле?

Это письмо отнесут к артефактору, артефактор с помощью магии размножит листок, перенесет текст на столько листков бумаги, сколько он попросит сделать. За соответствующую плату, разумеется. Это дорого, да, но... оно стоит того. Эдгель чуял запах хороших денег и не скупился на подготовку к аукциону.

А произойдет он... Эдгель задумался... через две недели. За это время нужно будет подготовить девку к предстоящему действию. Пусть немного подкормится, а то излишне худовата, можно с помощью мага отрастить ей волосы – это будет красиво. Хотя... нет, не надо. С этой прической она смотрится очень хорошо. И самое главное – экзотично. Эдакий милый мальчик-девочка. Кстати, ее может купить любитель мальчиков. А что – очень удобно! Повернул задом – и вроде как с мальчиком! Развернул – вот тебе девочка!

Эдгель даже развеселился такой мысли и несколько раз хрюкнул-хихикнул. Потом слегка загрустил, представив, сколько денег ему придется отдать Аскеру. А может легче нанять убийцу? Ну а что – грохнут стражника за сто золотых, зато тысяча останется у Эдгеля! И кто его заподозрит, с такой-то репутацией? Тем более все помнят – Аскер и Эдгель друзья. Эдгель будет плакать, когда Аскер пропадет, даже поможет его семье! Даст им... двадцать золотых – на поминки, и так... для поддержания штанов. У Аскера вроде бы жена молодая, и двое детей? Кстати, может ее в наложницы можно будет взять? Ну а чего, не пропадать же малышке?

Нет, не получится. У Аскера ведь расписка! А вдруг расписка выплывет наружу? Та же вдова предъявит бумагу, и тогда какой смысл убирать Аскера? Только потеря денег на исполнителя.

И опять же – могут найтись недоброжелатели, которые укажут на то, что Аскер пропал после того, как попытался сделать сделку с Эдгелем. Потому вони будет – не продохнешь. Пусть подавится, проклятый жадюга! Но нужно и еще подумать...

Закончив письмо, удовлетворенный и просветленный Эдгель пошел на женскую половину дома, где и нашел свою лучшую наложницу Меррель, девочку ценную во всех отношениях. Почему ценную? Потому, что во-первых, она была очень красива – светлая кожа, большие глаза, длинные ноги. Хотя и ростом не вышла – едва доставала Эдгелю до плеча.

Во-вторых, она была очень терпелива и покорно сносила самое грубое с собой обращение. Иногда Эдгель даже удивлялся – что, неужели ей не больно? Казалось – он вывернул ее наизнанку, а Меррель все терпит! Не рыдает, не просит пощадить! Это его вначале даже злило, и он старался засунуть еще глубже, еще грубее, так, что дважды порвал ей внутренности. Пришлось платить магу-лекарю, который за считанные минуты поставил ее на ноги. Кстати сказать, он и объяснил Эдгелю, что возможно девочка не так чувствует боль, то есть может выносить

гораздо более грубое с собой обращение, чем другие женщины. И это не порок, а самое что ни на есть замечательное свойство. И ему надо радоваться, что прикупил такую замечательную девку.

Ко всему прочему, Меррель еще была грамотной. Она читала, писала, и вообще была довольно-таки развитой девочкой, хотя и очень молчаливой. Она ни с кем в гареме не дружила, не занималась интригами и не пыталась занять главенствующее место в иерархии наложниц. Казалось – ей было все равно.

Меррель была куплена у одного из корабелов, он привез ее с юга. Кто была эта девочка, из какой семьи, кто были ее родители – Эдгель не знал. Он пытался ее разговорить, но ничего не получилось. Она просто молчала. Эдгель ее даже выпорол, оставил на двое суток без воды и еды за непослушание, за отказ ответить хозяину. Но она все равно молчала и только лишь смотрела в пространство, будто ничего вокруг себя не замечала. А после... исполняла все, что требовал хозяин. До самых грязных, нарочито грязных его требований. И он от нее отстал. Надоело.

Ожившая статуя – без эмоций, без своей воли, вот кто была Меррель. Но очень удобная, дельная статуя. Он купил ее, когда ей было лет двенадцать (сколько точно ей лет – он не знал), и за пять лет девушка превратилась из простой наложницы, обслуживающей хозяина в любое время суток, в некое подобие секретаря. Он доверял ей различные поручения, зная, что Меррель все исполнит в точности и нигде, ни в чем, никогда не ошибется. Хотя бы потому, что в противном случае он опять порвет ей зад.

Меррель сидела за столом, что-то писала. Скорее всего, это была сводная таблица учета расходов и доходов после продажи последней партии рабов. Он поручил ей это сделать. Когда Эдгель ворвался в комнату и подошел к столу, за которым она сидела, Меррель видимо решила, что хозяин захотел сбросить напряжение и нужно его убаюкать. Такое бывало нередко, практически регулярно. После разборок с корабелами Эдгель иногда приходил в такое неистовство, что ему хотелось кого-нибудь убить, а после секса он обычно успокаивался и размякал. Ну а Меррель чаще других девушек выпадало его обслуживать. Тем более что она почти всегда была рядом с ним. Очень удобно – и секретарь, и теплые, умелые губы и руки. Ценная рабыня, это точно.

Вот и сейчас она сразу же сползла на пол и встала на колени, ухватившись за шнурки на штанах Эдгеля. Но он тут же отменил ее попытку служить:

– Нет! Не до того! Сейчас пойдешь... нет, поедешь! Поедешь к мастеру Орму, и размножишь столько листков, сколько нужно. Но прежде составишь список тех, кому должно отправить это письмо. И попробуй только пропустить какого-нибудь важного человека! Я тебе точно тогда сразу порву, да так и оставлю! Это будет очень, очень важный аукцион, и мы не должны промахнуться! Дальше: зайдешь в магазин, торгующий книгами, и купишь книгу для обучения языку. С картинками! Ну... ту, по которой учат маленьких. Забыл, как она называется.

– Буквенник, господин – подсказала Мерриль, продолжая стоять на коленях, в поклоне.

– Буквенник! – повторил Эдгель – Да не стой ты так! Сядь нормально, что ты мне в хер макушкой уткнулась?! Ты рожу показывай, а не вшивую макушку!

Мерриль встала, потом присела на край стула, не касаясь спинки. Ее большие зеленые глаза следили за хозяином, а лицо как всегда было абсолютно бесстрастно. И такое оно и во время работы за письменным столом, и тогда, когда Эдгель крутит ей соски, едва не отрывая их от груди, и тогда, когда он рвет ей задницу. Проклятая статуя! Ну почему ей не быть такой... такой... шустрой, такой... страстной, как Белянка?! Как та визжала, когда он крутил ей соски! Как она вздрагивала, когда Эдгель проводил ей между ног и раскрывал шелку! Она просто-таки дрожала! Изнемогала от страсти!

Эх... жаль, что нельзя оставить ее себе. Проклятый Аскер... надо было предложить ему хорошую сумму, он был не выдержал и отдал девку. Точно! Дал бы две сотни золотых, и Аскер

схватил бы их, как голодный стервятник. Главное – показать живые деньги, вот мол, деньги, бери, и шагай, проигрывай в кости, тупая твоя морда!

Ну почему, почему он так не сделал?! Почему не сообразил?! Да можно было бы и пять сотен отдать! Что у него, денег нет?! Да их даже слишком много, а такой девки нет! Ой-ей... а теперь поздно. Теперь кто-то другой будет крутить соски и рвать задницу Белянке. А он, Эдгель, такой умный, такой деловой – просто спятивший осел, не увидевший своего счастья. Тьфу на него! Тьфу!

– Могу я осведомиться у господина, за какой надобностью ему нужен буквенник, и каким он должен быть? – бесстрастно спросила Меррель.

– За какой, за какой... в зад тебе его засуну, бесчувственная сука! – внезапно разозлился Эдгель, и тут же себя окоротил. Девка тут ни причем. Он должен злиться сам на себя. А она верный вопрос задает – для его же блага.

– Ладно, слушай – выдохнул работороговец – Девку я взял на аукцион, она не знает ни слова на нашем языке. Кто такая, как зовут – непонятно. Ее нужно обучить языку – хотя бы для того, чтобы понимала приказы хозяина. Этим займешься ты. Буквенник купишь хороший, с цветными картинками. Так будет легче учить. И смотри – две недели у тебя! Не научишь... знаешь, что с тобой будет. Потом две недели сидеть не сможешь! Учти! Деньги возьми в ящике, потом отчитаешься. С книжника возьми расписку – сколько отдала за книгу.

Задумался, после паузы добавил:

– Еще бумаги прикупи, и стилев для письма. Перьев не надо. Скажи Селме, что у тебя свободный доступ к Белянке, в любое время дня и ночи. Кстати, когда начнет говорить – если начнет – аккуратно выспроси у нее, кто она такая, и откуда взялась. И объясни, что если будет вести себя правильно – ее купит хороший клиент, она его ублажит, и до конца жизни будет жить в достатке и благоденствии.

– Как я – кивнула Меррель, и уже в который раз в бесстрастном голосе девушки Эдгелю послышались нотки... ехидства? Глумления? Нет, вряд ли – ведь она и правда живет очень хорошо. Никто ее не трахает, кроме хозяина, бить тоже бояться – он всем это запретил. Еда сытная, одежда хорошая. Другие рабы вообще голыми ходят! На их одежду никто не тратится! А она одета как настоящая вольная служанка из богатого дома. Даже ошейник, и тот – украшен позолотой и камнями, в знак того, что это особо ценная рабыня. Чтобы все, кто ее видит, не посмели обидеть такую рабыню, зная, что ответят по всей строгости закона. Убьют – возместят в тройном, а то и пятикратном размере. Украдут – сядут в темницу и лишатся правой руки. Изнасилуют – заплатят по тысячекратной таксе борделя! А ведь девка могла попасть и в бордель, а там скорее всего долго бы не зажила. Рабыни-шлюхи живут самое большее пять лет, а потом их выкидывают на помойку. В дорогих борделях только свободные шлюхи, но там и цены совсем другие. Там – для богатых господ. Рабыни – для черного, грязного люда.

Отдав приказание, Эдгель со спокойной совестью отправился отдыхать. Нужно было обдумать происшедшее, и... немного вздремнуть. Сегодня был очень напряженный день.

\* \* \*

Кайль Сирус Хергель-Оррах, глава Клана Кайль, принял протянутое ему письмо, подумал, и вернул обратно:

– Прочитай вслух. А я послушаю, и подумаю.

Он откинулся на спинку кресла и прикрыл усталые глаза. Сегодня много читал – донесения из южной провинции, охваченной мятежом, сводки о торговых делах клана, прошения, жалобы, и еще много всякой ерунды, без которой не обходится ни один день главы крупнейшего Клана Империи Денгар, не считая конечно же императорского Клана. Но работа, есть работа.

Когда секретарь принес ему письмо от работорговца Эдгеля, Сирус даже с некоторым облегчением отложил очередной отчет из дальнего поместья. Сухой, деловитый, и скучный до зевоты. Письмо работорговца обещало ему некоторое разнообразие в жизни, так почему бы не отвлечься от серой рутины повседневности? Эдгель так просто писать не будет, значит есть нечто стоящее внимания Сируса.

Последняя девочка, купленная у Сируса, забавляла его целых полгода – гордая, необузданная, смелая! Она ненавидела хозяина всей своей маленькой, юной душой, и ему стоило большого труда объездить эту недотрогу, которая при виде Сируса шипела и выла, как разъяренная кошка. Девочка происходила из одного южного племени, и вроде как даже была дочерью их военного вождя. Ее взяли во время карательной экспедиции, начатой после того, как дикари вырезали форпост Империи на границе Пустоши. Он участвовала в набеге наравне со взрослыми мужчинами и женщинами, хотя ей было всего четырнадцать лет. Ее сбили с коня колдовством, а потом продали Эдгелю, а тот уже выставил девку на аукцион.

Сирус обламывал девочку несколько месяцев – то истязая почти что до смерти, то лаская и приучая к себе, как дикого котенка. В конце концов он настолько сломал ее волю, что девочка приносила ему в зубах тапки, и вылизывала зад, когда он это требовал. И считала обращенное к ней внимание господина за великую честь.

Да, Сирус умел ломать волю людей, и достиг в этом выдающихся результатов. И он любил это делать. Убить человека легко, искалечить – тоже. Но ты попробуй искалечить и убить его душу! Заставь исполнять все свои, даже самые низменные желания так, чтобы исполняющему это доставляло наслаждение!

Когда южанка наскучила Сирусу – он отдал ее своим охранникам для развлечения. Парням тоже нужно поиметь немножко радости в жизни! Девочка потом повесилась, но он ни разу о ней не пожалел. Она отработанный материал, и ему теперь не интересна. Разумное животное, не более того. Если она решила, что смерть лучший для нее исход – так почему он должен жалеть об этом ничтожестве? У нее все равно уже не было души. Ожившая статуя, не более того.

Кстати, он так и не понял, почему она повесилась. То ли потому, что он лишил ее своего благоволения, то ли потому, что через нее прошло полторы сотни охранников. И что тут такого, если мужчины захотели ее тела? Она рабыня, и ее дело улаживать тех, на кого укажет господин. И только так. Жаль только потерянных денег. Лучше бы он продал ее в бордель, там умеют сделать так, чтобы девочки раньше времени не уходили на тот свет. Впрочем, на деньги ему плевать. У него их и так слишком много. Просто немного досадно, что умерла она не по его воле.

*Уважаемый господин!*

*Имею честь сообщить, что пятого числа месяца геренталь года пять тысяч восемьдесят первого, в полдень, состоится аукцион для особо важных клиентов, на который будет приглашено ограниченное число участников. Аукцион состоится в аукционном доме Коргель, по адресу улица Набережная, строение восемь. Объект продажи девушка примерно пятнадцати лет, с мраморно-белой кожей, голубыми глазами и белыми, как снег волосами. Рост девушки составляет сто девяносто вимов.*

– Сколько?! – Сирус даже привстал со своего места – Ты не ошибся?! Сколько вимов?!

– Сто девяносто, господин – поклонился секретарь – Так написано.

– Это что за великанша?! – Сирус расслабленно откинулся в кресле, опершись руками на поручни – С белой кожей, голубыми глазами! И волосы белые! Это как так?! Создание Пустоши?! Говорят, там много чего есть – магические животные, странные люди. Может и она оттуда?!

– Не могу знать, мой господин – поклонился секретарь. Он знал, что хозяина совершенно не интересует его мнение, что фактически тот разговаривает сам с собой, но должен был ответить на вопрос, пусть даже и риторический.

– Интересно, очень интересно! Читай дальше! – приказал Сирус.

– Да в общем-то и все, мой господин. Почти все:

– *Девушка является девственницей во всех отношениях, необъезженной, буйной и строптивой. Начальная цена лота тысяча золотых.*

– Вот это цена! – воскликнул Сирус – Молодец, Энгель! Сразу отсеивает всяких нищелюбов. Чувствую, торг будет жарким! Интересно, где он добыл такое чудо? Впрочем, какая разница? Необъезженная! Строптивая! Девственница! Это то, что мне надо! Как думаешь, сколько времени пройдет до того момента, как она будет упрашивать меня позволить ей вылизать мою задницу? И принести в зубах мои тапки? Полгода? Меньше?

– Не могу знать, мой господин – склонился слуга, а глава Клана легко поднялся из кресла и заходил по комнате. Слуга же смотрел за ним, и думал о том, что давно не видел Советника таким возбужденным. Хорошо это, или плохо – пока говорить рано. У Сируса есть одна особенность – пока он обламывает новенькую строптивую рабыню, не придирается к остальным слугам. Наоборот, он добр, благостен, и скор на подарки. Наслаждаясь процессом объездки рабыни, он выплескивает в этот самый процесс все накопившееся за месяцы зло. Оставляя для ближнего круга только самые добрые слова и намерения.

И хорошо, что он нашел себе новую жертву. В последнее время Сирус невероятно раздражен, и взрывается по любым пустякам. Вчера, например, ему показалось, что один из рабов недостаточно низко ему поклонился. Раба засекли до смерти. Позавчера на глаза Сируса попался охранник, мундир которого был недостаточно чист. Охранника лишили месячного жалованья, а еще выдали двадцать пять ударов палкой. Теперь он лежит в караулке, дергаясь и хрипя от боли. Хозяин запретил вызывать к нему мага-лекаря. Пусть, мол, прочувствует свою вину, и задумается, как дальше жить.

Пусть лучше издевается над какой-нибудь девкой – полгода все будут дышать свободно. Сейчас от него даже жены прячутся подальше, а сыновья стараются не попадаться на глаза. Иначе им тоже может достаться – и такое бывало. И не раз.

## Глава 5

Первое, что сделала Настя, когда очнулась – обследовала свое тело. Следов насилия не имелось, ничего не болело. Это ее немного успокоило. Если сразу не надругались, значит, есть шанс, что удастся избежать участи всех рабынь. Логикой Настя понимала, что таковое утверждение совершенно не выдерживает критики, но... за что-то ведь нужно держаться? Как-то нужно сохранять разум?

Единственное, что изменилось в ее теле – исчезла полоска волос на лобке. Теперь он сиял, как бильярдный шар. Не было и пеньков волос на ногах – там, где она собиралась их убрать. И... вообще ничего не болело, хотя после того, как толстяк выкручивал ей соски и губы должны были остаться следы – синяки, кровоподтеки, да и просто боль. Все-таки кожа Насти была очень чувствительной, особенно в таких интимных местах.

Ее не привязали. Она лежала на кушетке, или нарах – как назвать это сооружение, она не знала. Одежды тоже не дали – как была голой, так и осталась без единой нитки. И это ей было понятно – почему так, а не иначе. Врагам выгодно вывести ее из равновесия, сделать беззащитной, испуганной. А что может быть беззащитнее, испуганнее обнаженной женщины? К тому же, это резко ограничивает возможность побега – попробуй-ка, сбеги, когда на тебе ничего нет, даже трусов! Только представить – в людном месте по улице бежит голая женщина! Не затеряешься в толпе, точно.

Впрочем, Настя и так не смогла бы затеряться в толпе, даже если бы захотела. При ее-то росте и внешности. Слишком уж она отличалась от аборигенов. Здешние люди чем-то напоминали японцев, какими их представляет весь мир – смуглые, небольшого роста, шумные и подвижные. Только глаза не раскосые, есть в них эдакие индейские черты.

На столе стоял самый обычный поднос, на подносе – кувшин, вроде как глиняный, рядом с ним глиняная же кружка с мелкими выщерблинами по краям, кусок лепешки – довольно-таки большой, половинка лепехи, и две глубокие чашки с неизвестным содержимым.

У Насти вдруг заурчал желудок, и она вспомнила, что очень давно не ела. Последний раз это было еще в прошлой жизни...

В одной из чашек обнаружилась густая похлебка, в которой плавали кусочки неизвестного мяса. Настя вдруг с опаской подумала о том, что эти типы могут оказаться каннибалами. Прибили какого-нибудь раба, да и покрошили в похлебку остальным узникам! Настя где-то читала, что так делали селяне. Нет, не с рабами – с домашней птицей. Сдохла, к примеру, утка – нарубят ее и покрошат остальным обитателям птичника. И «отряд не заметил потери бойца». Но тут же отменяла эту мысль. Мясо было похоже на баранину, Настя разбиралась в кулинарии – мама очень недурно готовила. Все-таки провинциалка, а там девушек до сих пор учат тому, что необходимо для ведения домашнего хозяйства. Это не потомственные питерские интеллигенты с их английскими манерами и отвратной овсянкой.

Вторая миска была с кашей – что-то вроде риса, в котором опять же торчали кусочки мяса. Много мяса, густая каша. Похоже, что Настю решили как следует откормить. Насколько она знала, в средневековье любили женщин с широкими задами и огромными сиськами (хотя возможно она и ошибалась, и данное правило годилось только для простолюдинок). Это считалось очень красиво, что и понятно: женщина с широкими бедрами легко и много родит, а здоровенная грудь позволит как следует выкормить свое потомство.

К женщине относились как к инкубатору. А еще – как к средоточию порока, и пособнице Дьявола. Настя очень надеялась, что здесь нет инквизиции, сжигающей ведьм на кострах. Ей не климатило превращаться в обугленную тушку под радостные вопли пьяной толпы. Брр... ее даже передернуло от страха и отвращения.

Еда была еще теплой, но несмотря на скручивающее желудок чувство голода, Настя довольно долго раздумывала, стоит ли ей это есть. Вдруг они что-то подсыпали в еду? Превратят в улыбающийся, радостный овощ, с готовый обслужить толпу грязных мужиков... От этих тварей можно ожидать чего угодно. Опять же – поедание пищи в этом доме не будет ли символическим знаком того, что Настя покорила своим пленителям? С другой стороны, если она не будет есть, то ослабеет и не сможет бежать, когда представится случай. Да и вообще может умереть от голода, а оно ей надо? В общем, Настя взяла деревянную ложку, лежащую там же, на подносе, брезгливо осмотрела ее со всех сторон, подозревая в антисанитарии, и начала есть, сдерживая себя от того, чтобы не наброситься на еду диким зверем, давясь и захлебываясь варевом. Настолько она проголодалась.

Как там сказано у Пушкина?  
«Не стану есть, не буду слушать,  
Умру среди твоих садов!»  
**Подумала – и стала кушать.**

В кувшине обнаружилось что-то вроде компота – холодного и кислого.

Настя съела суп, кашу есть не стала. Во-первых, девушка привыкла ограничивать себе в еде – чтобы держаться в форме.

Во-вторых, кто знает, может это вся еда на день? И вечером нечего будет есть?

Поела, и тут же испытала естественную потребность... да так активно испытала, что едва успела добежать до отверстия, в котором слышалось журчание воды. Рядом с отверстием стоял кувшин с водой, и Настя знала, для чего он нужен. Ничего нового – мусульмане всего мира это делают – там, где нет более цивилизованных способов заниматься собственной интимной гигиеной.

Все! Теперь можно отдохнуть и как следует подумать – что делать. Все это время Насте даже некогда было задуматься – вначале она была ошеломлена своим попаданием. Потом – коварным, подлым захватом, и последующими после него действиями этих мерзких людей.

Ее передернуло, когда она вспомнила пальцы толстяка, раздвигающего ее киску, и хуже того – толстый, мерзкий, грязный палец, который грубо и больно проник ей в зад. Брр...

Господи, за что?! Почему ей выпала такая судьба?! Чертова шаровая молния! Ну зачем, зачем она ее тронула?! Почему вообще полезла под эту дурацкую елку?! Ведь читала у одного фантаста, бывшего геолога, что в правилах техники безопасности геологов черным по белому написано, что категорически запрещается прятаться от дождя под самым высоким деревом в округе, и – под одиноко стоящим деревом! В него может ударить молния! А она что сделала?! Дурища! Городская, глупая дурища! Хотя бы воспользовалась чужими знаниями, чужой головой – если нет своей!

За этими мыслями Настя не услышала, как открылась дверь. Она увидела ее, когда девушка уже стояла перед ней, спокойно и доброжелательно глядя в лицо узнице.

Это была маленькая ростом, очень милая, прелестная девушка лет пятнадцати, а может и младше. Большие зеленые глаза, распахнутые на мир, смотрели открыто и без страха. Вообще, девушка оставляла впечатление того, что ее вообще ничем нельзя испугать. Бесстрастное лицо ожившей статуи было абсолютно спокойно, как это бывает только у глубоко спящего человека.

Она что-то сказала Насте, девушка развела руками – мол, не понимаю. «Гостья» не удивилась, кивнула, и положила на стол толстую книгу, которую держала в руках. Положила, и жестом подозвала Настю – смотри, мол. Настя подошла, заинтересовавшись. Она уже поняла, что сейчас увидит, и не ошиблась. Девчонка подняла толстую кожаную крышку, и Настя увидела надпись знаками, напоминающими то ли иероглифы, то ли руны. Это скорее всего был

букварь. Настю собирались учить местному языку. Что обнадеживало. Значит, ведьмой ее не признали, и не собираются приносить в жертву или сжигать на костре.

Ну а дальше пошла обычная работа – учитель и ученик. Занимались они часа три, пока девушка не сообщила, что ей пора идти. За эти три часа Настя успела запомнить слов достаточно, чтобы суметь изъясняться на самом низшем уровне: «дай», «идти», «есть», «пить», и так далее. Забавно, но в букваре были даже картинки, изображающие самые интимные процессы человеческой жизни. Например – секс и естественные отправления. И под каждой картинкой – надпись иероглифами.

Настя надпись тут же запоминала, что с ее фотографической памятью было вовсе даже несложно. Талант полиглота вкупе с выдающейся памятью – и никаких проблем с изучением нового языка. Кстати, очень даже несложного языка, это Настя определила сразу. Тот же китайский гораздо более сложный язык. Впрочем, как и корейский.

Похоже что гостья, а ее имя Меррель, была очень удивлена таким ярким прогрессом в изучении языка и грамоты, но виду особенно не подала. Настя вообще была немало удивлена тем, как вела себя эта милая маленькая девушка, не достающая ей и до груди. Доброжелательная, но при этом отстраненная и холодная, Меррель не позволяла себе повышать голос, и вообще хоть как-то выражать неудовольствие в тех случаях, когда Настя ошибалась в произношении, ставя ударение в словах не там, где это было нужно. Терпеливо разъясняя, четко повторяя каждое из слов, она добивалась правильной речи, и благожелательно кивала, когда Настя делала все верно. Впрочем, чем дальше, тем меньше случалось ошибок. Она мгновенно уловила то, как ставятся ударения в этом языке, и практически не допускала огрехов – кроме тех слов, которые отличались от общего строя и были чем-то вроде исключений из правил. Но таких в языке имелось совсем не много. Простой язык!

Наконец, Меррель попрощалась и ушла, а Настя осталась сидеть на лежанке, думая о том, что надо было поговорить с девушкой о том, как бы это побыстрее отсюда сбежать. Но... пока словарный запас невелик, затевать подобный разговор не имело смысла. «Твоя моя понимай?» – это совсем не та беседа, которая могла бы помочь Насте получить нужную информацию. А кроме того – кто сказал, что Меррель пойдет ей навстречу и даст все расклады о побеге на волю? То, что у нее на шее рабский ошейник еще ничего не значит. Раб не становится другом другому рабу после того, как на него нацепили этот атрибут рабской жизни. Скорее наоборот – он будет топить другого раба, чтобы за счет его жизни подняться хотя бы на одну ступеньку его социальной лестницы. По крайней мере, так говорят все книги, которые Настя читала по этой теме.

Опять же, в книге одного российского фантаста было сказано, что восстание Спартака было совсем не таким освободительным, как это представляли советские граждане. На самом деле восставшие рабы не хотели уничтожить систему рабства. Они желали убить своих бывших хозяев, и самим владеть рабами. А в этом, любой согласится, есть очень даже огромная разница. Так и тут – где гарантия, что девчонка не сдаст ее хозяину, и Настю не прикуют к стене толстой цепью? Сейчас по крайней мере она хоть и голая, но передвигается по камере свободно, не погромыхивая стальными цепями как привидение из старого мультика.

Но как следует подумать ей все-таки не дали. В дверь вошли две девушки возраста Насти, одетые как и все рабыни – что-то вроде короткой юбки, или скорее набедренной повязки, и топик-жилет, почти такой же, какой Настя носила на пробежку. Одна из них, та, что была чуть массивнее другой, жестами и словами предложила Насте лечь на стол, предварительно составив посуду на лежанку. Настя подумала, подумала... и улеглась. Вряд ли эти смешливые, постоянно хихикающие девчущки собирались сделать что-то такое, что может нанести ей вред.

Девчонки тут же сбросили с себя одежду, оставшись совершенно нагими, и... стали натирать Настино тело приятно пахнущим составом из большой банки, которую они принесли с собой. Что-то вроде ароматического масла. А потом принялись массажировать – классиче-

ски, вначале поглаживая, похлопывая, потом проминая мышцы и разминая их о кости скелета. Делали это в две руки, ловко, умело, при этом не забывая хихикать и приговаривать что-то вроде: «Помнем, помнем! Вот какая она у нас красавица! И будет еще красивее!».

Насте нравилось, что они с ней делали, и только когда их пальцы начали слишком уж откровенно натирать ей нижние губы, проникая внутрь и эдак эротически поглаживая и пощипывая, она решительно отмела эти поползновения показав мелким пакостницам крепкий белый кулак. Пальцы из влагалища сразу исчезли. Похоже, девицы знали о том, что недавно произошло с тем охранником, которого лягнула Настя.

То же самое случилось и тогда, когда Настя лежала на животе – одна умудрилась помассировать ей зад *так*, что Настя задохнулась от неожиданности и возмущения. Палец сразу же как испарился, видимо физиономия Насти, обернувшейся к агрессорше, не оставляла простора для фантазии. Врежет – как срежет, три года перед глазами будет стоять, как живая. Лесбы чертовы! Извращенки!

Настя не подозревала, что кроме процедуры массажа и ухода за кожей (*эта рабыня должна выглядеть как можно товарнее!*), Эдгель дал задание массажисткам – проверить белую рабыню на чувствительность к ласкам женщин. Может она просто не любит мужчин? И вообще – как отреагирует на интимные ласки девушек? Проверили. Доложат. Отреагировала так, что массажистка слегка струхнула – великанша легко может ее прибить, как какую-нибудь крысу, и ясно было, что она никого не подпускает к своим дырочкам.

Кстати сказать – Эдгель этому не удивился и не расстроился. Даже хорошо, что Настя – так ее на самом деле звали, со слов Меррель – оказалась эдакой недотрогой. Тем интереснее будет обламывать купившему ее господину. Просто Эдгель должен все знать о своем товаре – как и положено хорошему продавцу.

Меррель приходила несколько дней подряд – и каждый раз на все большее время. К пятому дню занятий Настя свободно говорила на всеобщем, к седьмому – могла читать то, что написано в книгах.

С письмом было сложнее – ведь письмо, это не просто запоминание знаков алфавита. Это еще и правила написания, но самое главное – моторная память. То есть пальцы должны помнить, как писать тот, или иной знак.

А еще – мозгу было сложно распознать текст, написанный скорописью. Одно дело – текст в книге. Если он и написан вручную, то сделано это так, что каждый может разобрать изображенные буквы. В скорописи все иначе – здесь знаки могли и пропускать, и тогда получалось что-то вроде «ма мла рму» – вместо «мама мыла раму». Человек, который годами изучал письмо, прочитывал этот текст легко. Новичок прорваться через эти несуразности мог лишь с большим трудом. Но Настя знала – дай ей еще дней десять, ну край – недели две, и она будет писать и читать не хуже аборигенов.

За то время, пока она общалась с Меррель, у них с девушкой наладилось что-то вроде дружеской связи. Ну... не дружеской, но связи, когда от человека к человеку тянется невидимая нить, соединенная со струнами души. Ее трудно закрепить, легко порвать, но... такая связь иногда единственная отдушина там, где все вокруг враждебны или просто равнодушны. Человек существо стадное, ему обязательно с кем-то надо дружить. Это нить может превратиться в крепкий шпагат, потом в канат, который невозможно оборвать. А может и лопнуть в любой момент – от недоброго слова, недоброго поступка, просто потому, что ниточку не захотели укрепить.

Меррель рассказала Насте, куда та собственно попала. Девочка была образована не хуже какого-нибудь доцента, или даже профессора, и Настя была очень удивлена, что рабыня вдруг оказалось таким разносторонне образованным человеком (в рамках своей цивилизации, конечно). Кстати, когда Настя спросила Меррель, чем та занимается у Эдгеля, в чем собственно заключаются ее основные обязанности – девушка снова закаменела лицом, и после долгой

паузы бесцветным голосом сказала, что исполняет свое предназначение. И больше не проронила ни слова, хотя Настя и пыталась разъяснить эти туманные слова.

Итак, как выяснилось – этот мир называется просто... Мир. Ну а как он еще должен называться? Над ним висели две луны – красная, и обычная. Солнце... да обычное солнце. Желто-белое. Мир состоял из океана, и материков, которых собственно было три, или больше (кто смог бы обследовать такой великий Мир?!). Материки между собой почти не сообщались – ибо океанские расстояния слишком велики. Все материки находились примерно на уровне экватора, торча к северу и югу выступающими частями (так рисовали их на картах знающие люди).

Все люди, во всех частях света разговаривали и писали на одном языке, он назывался «всеобщий». Были и варианты этого языка, что-то вроде пограничного «суржика», но на нем разговаривали только самые отсталые племена, практически дикие народы. Остальные – только на нормальном всеобщем.

Материк, на котором они сейчас находились, по утверждениям ученых, самый большой из ряда материков, и является куском огромного материка, в который собственно и входили отколовшиеся соседние. Откололись они после некоей эпической войны, называемой «Война богов». Кто на кого ополчился, почему применялось такое жуткое колдовство, которое смогло раздробить материк на несколько меньших, и на острова – никто теперь и не помнит. После войны человечество прошло через период дикости, названный потом «Темной эпохой».

Империя, в которую попала Настя, была фактически тиранией, управляемой сводом законов и указами, который время от времени выдавал Император. И указы эти были превыше законов. Например, он легко мог отпустить на волю приговоренного к смерти, если у властителя вдруг почему-то возникало такое желание. И никто ему не мог сказать ни слова против (бунт!). Только лишь советовать. У него был штат из тридцати самых влиятельных людей Империи, которые курировали различные стороны жизни Империи. А еще – огромный чиновничий аппарат, который собирал налоги и проводил в жизнь политику Императора. Ну и само собой – армия, стража, тайная служба – все нормальные атрибуты любого государства.

За границами Империи Денгар имелись другие государства, с примерно таким же строем, и такими же людьми, как и здесь. Просто ими правил другой император. Эти империи время от времени воевали то между собой, то с Денгаром, вступая в коалиции, или вновь расходясь в стороны. Причина могла быть любой – их всегда можно найти, если хочешь набить рыло соседу. Чаще всего это были территориальные споры.

На юге вялотекущая война с не желающей замирения провинцией Хасгар. Эта провинция некогда решила, что империя не дает ей развиваться, а потому она будет жить сама по себе. Хасгар – источник металла, угля, золота, драгоценных камней, так что поползновения вождей Хасгара на объявление самостоятельности было жестко пресечено, кто же упустит такую сокровищницу? Так что из Хасгара полноводной рекой потекли рабы, захваченные во время карательных экспедиций. Теперь в Хасгаре нет промышленности, рудники заброшены, а поля зарастают травой. А есть – небольшие отряды хасгарцев, которые вырезают имперских солдат, засевших в форпостах, и душат фермеров, которых Империя в своей великодушии переселила на «свободные» хасгарские земли, выдав несчастным пособие на обустройство. Которое потом пошло на похороны этим людям.

Рядом с Хасгаром еще один источник раздражения для Империи – так называемая Пустошь. Это огромная территория, на которой люди не могут жить по одной простой причине: она настолько заражена различными видами боевой магии, осевшей на землю, что жить там могут только мутанты, образовавшиеся в результате воздействия этой магии на обычных существ. Судя по свидетельствам многочисленных очевидцев, из пустоши иногда выходят такие твари, что все рассказы о демонах-убийцах перед ними бледнеют. Чего только стоят рассказы о саблезубых кроликах размером с крупную собаку, и о воробьях, которые питаются

исключительно мясом, и считаются аналогом кровожадных рыб, объедающих неосторожно ступившего в воду пловца до самых костей. Но при всем, при том в Пустошь постоянно отправляются экспедиции поисковиков, в просторечии называемых «пустошниками», или «пустами». Эти люди ищут в развалинах древние амулеты и артефакты, которых нет в наше время, и которые современные маги не могут сделать, ибо технология изготовления древних магических предметов давным-давно напрочь утеряна. Эти предметы хорошо сохранились, так как защищены древней магией. Сломать их практически невозможно. А еще – климат пустоши очень сухой, дождей там практически не бывает, так что вещи сохраняются нетленными тысячи и тысячи лет.

Рядом с Пустошью селиться нельзя – магия накапливается в плоти, действует и на тех, кто не заходит за ее границу. Рождаются странные дети, пропадают люди, а обычные, всем давно известные овощи и фрукты, выращенные вблизи Пустоши, приобретают странный, иногда очень неприятный вкус. Часто – они просто ядовиты.

Работа «пуста» смертельно опасна, но один найденный артефакт может просто-напросто озолотить. Например, ошейник, который сейчас находится на шее Насти – найден в развалинах Старого Города. Это произведение древних магов. Есть и подобные новоделы, сделанные по образу и подобию древних артефактов, но они работают не столь эффективно. Как именно они работают, что могут делать, почему так ценятся – Меррель не сообщила. Только закамелела лицом и сказала, что «Наста» сама потом все поймет. Ей покажут.

Город, где они сейчас сидят, называется Геррат, и это столица Денгара. Население за пятьсот тысяч человек (но это не точно), имеется крупный порт, и много чего еще. Император Масган Седьмой. Ему сорок лет, у него два десятка жен, бесчисленное количество наложниц, и двадцать официальных детей разного пола и возраста.

Вот, в общем-то и все, что Настя сумела узнать за это время от Меррель, и прочитав книги, которые та принесла.

А еще Настя узнала, что ее готовят к продаже на аукционе, и купит ее один из самых влиятельных и богатых людей Империи. Тот, кто любит непокорных девушек, и готов потратить свое время, чтобы «обломать колючки» дикого растения. Превратить непокорную девушку в идеальную рабыню, мечтающую ублажить своего хозяина. И что начальная цена за Настю – тысяча золотых, чего не было за всю историю здешних аукционов по продаже рабов. И от этой информации у Насти похолодело в животе, и не только в животе...

Меррель нравилась Насте все больше и больше – красивая, всегда аккуратно одетая, причесанная и свежая, она походила на девятиклассницу в своем коричневом одеянии, больше похожем на униформу. Эдакая аккуратистка-отличница, воспитанная, вежливая, знающая больше, чем любой из ее одноклассников. И Настя мучилась догадками – да как же такая, явно домашняя девочка могла оказаться в рабстве?! Где ее родители?! Небось плачут, потеряв свою малышку...

И тут же вспоминались свои папа и мама, и на глаза накатывали слезы. Гадают, наверное – где же их дочка... строят самые ужасные картины у себя в мозгу.

Но такого они точно не смогли бы придумать. Такого ужаса. Чтобы их дочь продавали с аукциона, как скотину?! Хотя... на Земле есть много такого, о чем Настя раньше и не задумывалась. И рабство – тоже есть. И не только на черном континенте.

## Глава 6

Меррель лежала в темноте, глядя в потолок над ее кроватью. Она не спала, но и не бодрствовала. Это состояние называло «садхи», и это первое, чему ее научили в храме Согдума. Так ты приобщаешься к Божеству – Покою и Умиротворению в мире страстей и эмоций. Эмоции ведут к греху, к потере кармы. И значит – лишают возможности правильно переродиться в следующей жизни.

Согдум учит тому, что все в этой жизни происходит так, как оно должно быть. Нельзя сопротивляться потоку жизненной энергии – это ведет к ошибкам, ошибки – к потере кармы. Если тебя захватили и обратили в рабство – значит, так и должно быть. Значит, тебе уготована трудная судьба, но и тем больше будет награда в другой жизни. Жизнь – ничто, посмертие – все. Это Меррель знала с тех пор, как начала хоть что-то понимать.

Вся ее жизнь прошла в храме. Ее учили – и тому, как правильно жить, и наукам, ведь каждый адепт Согдума должен быть разносторонне развитой личностью, ибо только так можно принести храму максимальную пользу.

И не только науки – все свободное время Меррель было занято совершенствованием личности. Медитация, контроль над своим телом, общение с Мирозданием через транс – без выходных, двадцать часов в сутки. На сон отводилось всего четыре часа. Но и они были лишь данью традиции – человек, который умеет входить в транс и контролировать свое сознание, умеет сделать так, чтоб организм отдохнул больше, чем если бы он спал десять часов подряд. И даже во сне Меррель контролировала сознание, не позволяя расслабиться, не позволяя мозгу уснуть и забыться. Она была одной из лучших учениц Храма, и ей прочили великое будущее. Как минимум – первой помощницы Настоятельницы. А когда та состарится и уйдет...

Меррель захватили солдаты третьего легиона, которых направили на подавление бунта в провинции. И тогда ей было всего одиннадцать лет. Ее не убили, и даже не изнасиловали. Хотели, да, но когда потребовали раздеться, и она разделась, командир сепии, увидевший, что происходит, просто забрал ее себе. И он был первым мужчиной, который ей овладел. И это не было насилием. Он попросил ее удовлетворить себя, и она сделала это – молча, без протестов и слез. И так продолжалось несколько месяцев, пока Меррель заметил другой командир, старше этого по званию. И забрал ее к себе в палатку.

И жила она там – исполнительная, тихая, безропотная, абсолютно не брезгливая и готовая на все для хозяина. У нового мужчины Меррель провела три месяца, прислуживая и удовлетворяя его в постели. Он ее почти не обижал, как не обижают собаку, исправно исполняющую свои обязанности. Лишь иногда давал оплеуху, порол, или пинал, когда она, по его мнению, недостаточно активно его ублажала. Оба – и первый мужчина, и второй – нередко возмущались тому, что «проклятая девка» ведет себя как бесчувственное деревянное бревно.

Но Меррель не могла, да и не хотела ничего с этим делать. Она не испытывала никакой тяги к сексу. Как, впрочем, и отвращения. «Физические упражнения», которые ей приходится делать по воле ее хозяев – и не более того.

Да, нередко ей было больно – она уродилась маленькой и худенькой, так что большие мужчины (а они были очень большими – солдаты!) порой причиняли ей очень серьезную боль даже не потому, что хотели это сделать, а потому, что их мужские достоинства были для нее слишком велики. Тем более, если они брали ее не так, как положено для деторождения.

Хорошо, что в тот момент она еще не была способна родить ребенка. Крови у нее пошли уже тогда, когда Меррель продали Эдгелю. Так что боги уберегли ее от больших страданий. Что бы случилось, если бы она забеременела? Скорее всего, ее продолжали бы иметь, пока не родит, а потом дитя у нее бы отняли, и... никто не будет заботиться о ребенке какой-то там лагерной шлюхи. Таких девушек, попавшись в палатки командиров (и хуже – в палатки

рядовых солдат), в лагере карательного корпуса было более, чем достаточно. После военных действий остается очень много «бесхозных» женщин, лишившихся дома и семьи.

Меррель молчала о том, что она происходит из храма Согдума. Сказать об этом – значило привести карателей в скрытый в джунглях древний храм, и подвергнуть святилище разграблению и поруганию. Об этом им говорили сразу же, как только дети начинали входить в разум. Расположение храма – одна из самых сохраняемых тайн их веры. Отсюда адепты Храма идут по свету, разнося Истинное Слово и привлекая людей на сторону Света. Исчезнет Храм – и в мире станет немножко темнее, а когда падет последний Храм – Тьма накроет мир, и он свалится в царство Темного. Так учит великий Согдум.

Наконец, и второму мужчине Меррель достаточно поднадоела, и он ее продал работнику-корабелу, который собирал рабов по всему побережью, чтобы перепродать их уже в Империи. Возможно, второму хозяину надоело именно то, что Меррель молчала даже тогда, когда он специально имел ее так, чтобы вызвать хотя бы стон из прекрасных пухлых губок юной девчонки. Но она молчала, будто не чувствовала раздражающей ее внутренности боли. Молчала, когда он хлестал ее ремнем. Молчала, когда он нанизывал ее как птицу на свой толстый шампур, и потом по ногам девушки текла кровь. «Бесчувственная сука!» – вот были самые мягкие ругательства, которые слышала Меррель в свой адрес. И эти слова стали для нее девизом всей последующей жизни.

Она чувствовала боль. Но умела от нее отстраняться. И этому ее научили в храме – а она была там лучшей ученицей. Нужно было лишь уверить, убедить себя в том, что ты – не ты, что ты лишь смотришь на то, как что-то происходит с другой, совершенно незнакомой тебе девушкой, на которую тебе совершенно наплевать. Это ТОЙ больно, ТОЙ плохо, это ЕЕ тошнит от сливаемого в рот семени и пропихивающегося в горло члена, это ей раздражает зад толстый твердый предмет, и это у чужой девушки болят отбитые жестоким обращением внутренности. Тебя – нет. Ты – облачко! Ты паришь под потолком, легкая, светлая, как луч восходящего солнца.

И ты знаешь – все, что происходит с этим телом – заслуженно. Возможно, тобой – ты себя неправильно вела, и теперь к тебе пришло наказание. Или твоими предками, которые совершили столько, что теперь потомки платят за их грехи. Карма, она такая – кара за плохое поведение может передаваться в поколениях, и пасть на голову того, кто совершенно не причастен к гадким делам своих предков.

Измочаленную, изорванную, полуживую Меррель перед продажей на корабль вылечили, благо что в каждой воинской части есть свой маг-лекарь, опытный мастер в делах спасения даже безнадежных раненых, так что когда ее отвели к новому хозяину, она была во вполне сносном состоянии – если не считать худобы из-за потраченных на лечение жизненных сил. Ведь ничего не дается даром, и чтобы вылечить чей-либо организм, приходится тратить его собственные силы. Ведь ни один маг-лекарь не станет тратить силы свои – в противном случае он попросту скончается уже на третьем тяжелом больном.

Это был третий мужчина Меррель. Тяжелый, огромный капитан суда, в трюмах которого гремели цепями, стонали и молились сотни и тысячи замученных рабов. Меррель жила в его каюте, и обслуживала капитана, когда он того желал.

Капитан, несмотря на свою устрашающую внешность, был более нежен, чем ее предыдущие владельцы, и когда брал ее, старался не навредить телу. Возможно потому, что хотел взять за нее хорошую цену. Иногда он угощал телом Меррель своих помощников, но и тут следил, чтобы они ей ничего не повредили. Ведь лечение стоит денег, а девушка слишком красива, чтобы просто испортить ее и выбросить за борт как истощенного обычного раба. За кораблем всегда следовала стая морских чудовищ, которые питались трупами рабов, умерших на корабле и сброшенных в море. А то, что те же корабели могут сделать с женщиной, Меррель видела, и не раз, когда тот же капитан и его помощники приводили в каюту других рабынь. Она

не хотела вспоминать эти картины, и считала, что с ней обходились очень и очень мягко. Возможно именно потому, что она никогда не возмущалась тому, что с ней делают, и была абсолютно не брезглива. А еще – невероятно вынослива, несмотря на свой юный возраст и хрупкое сложение. Капитан даже вначале хотел оставить ее себе, сделать каютной шлюхой, но все-таки жадность пересилила. А еще сразу выяснилось, что при всем своем умении доставить мужчине удовольствием, Меррель абсолютно бесчувственна, как самая настоящая каменная статуя. А мужчины этого очень не любят.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.